

С. 3

В СФИ прошёл вебинар о проблемах длительной катехизации на приходах

Вопросы к вебинару формулировали сами его участники – клирики и миряне, занимающиеся катехизацией в разных регионах России и сталкивающиеся со схожими проблемами

С. 5

К десятилетию кончины В.В. Библихина

Известный религиозный философ С.С. Хоружий размышляет о том, что значили эти десять лет для русской философии, а выпускники Свято-Филаретовского института вспоминают о том, что значил для них Владимир Вениаминович Библихин как педагог

С. 7

Культура должна и может быть спасена в вечности

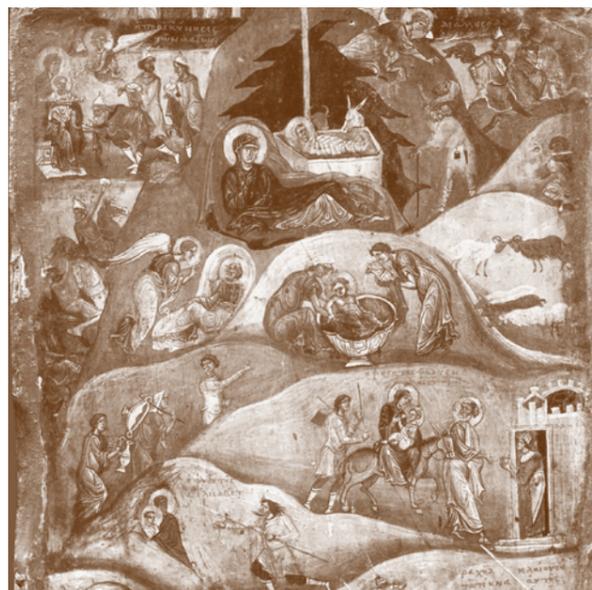
Диалог Церкви и культуры, если первое понимать как реальность Небесного Царства, а второе как неустанные труды человека по приведению бытия мира к реальности этого Царства, – вечен и универсален. Его историческим формам посвящена актовая речь Ю.В. Балакшиной

Приложение «Открытая встреча»

Полезна ли для человека настоящая любовь? Не избалует ли она его? Как понять, что тот духовный опыт, который тебе предлагается, истинный? Что такое встреча с Богом? Сегодня в нашем приложении на эти и другие вопросы Открытых (миссионерских) встреч отвечает священник Георгий Кочетков

Тема номера

Без духовного просвещения возрождение церкви и народа невозможно

Рождество Христово. Византия, Константинополь. XI в.

Праздник Света

Из проповеди священника Георгия Кочеткова на начало Рождественского поста

В древности праздник Рождества в Восточной церкви был одним праздником с Богоявлением, с праздником Крещения Господня. Не случайно он ещё назывался праздником Светов: ведь «Свет пришёл в мир».

Мы с вами хорошо знаем, что самым трудным моментом в христианской вере является не учение о Святой Троице и даже не восприятие тайны Креста и Воскресения Христова. Труднее всего людям, которые хотят обрести глубину и полноту христианской веры, познать тайну Богоявления, того, что Бог пришёл на землю, что Он воплотился. «Во Христе пребывает вся полнота Божества телесно», – говорит апостол. И самое трудное – понять такую родственность человека и Бога, которая позволяет Им совместиться в одной Личности. Во Христе одно лицо и одна личность. Мы с вами это прекрасно знаем из догматического учения. И то, что во Христе нет никакого раздвоения лиц или личности, несмотря на Его высочайшее самосознание,

для нас принципиально. Он знал, что в Нём нет никакого греха, Он говорил: «Кто может обличить Меня в неправде, в грехе?», и ни один враг, даже прямой враг Христа (а их было много вокруг Него в то время), – ни один не смог Его в этом обличить. Все обвинения оказывались просто лживыми, ложными. Это совершенно не случайно.

Не войдя в этот опыт Богоявления через Бога и Человека Иисуса Христа в дар Святого Духа, очень трудно говорить о том, что «Свет пришёл в мир» и нужно свидетельствовать об этом Свете. Мы постимся как раз для того, чтобы ещё, и ещё, и ещё немного продвинуться в познании этой тайны, чтобы самим обрести этот опыт – быть носителями Света: «Вы – свет миру», «вы – соль земли». Быть светом мира можно только тогда, когда в тебе есть Свет вечный, Свет Божественный, а не какой-то иной – психологический, или физический, или ещё какой-то.

Окончание на с. 4

Актовый день Свято-Филаретовского института

В день памяти святителя Филарета Московского в большом зале Российской академии образования собрались преподаватели, сотрудники, студенты и друзья института

Результаты работы СФИ в минувшем учебном году представил первый проректор Дмитрий Гасак. Он рассказал о деятельности преподавателей и студентов, проектах института, новых дисциплинах и учебных программах. Так, на богословском факультете в текущем семестре обучается 230 человек из 27 городов. В минувшем году институт выпустил 25 бакалавров богословия, а 48 человек поступили на I курс бакалавриата. Год был отмечен

началом образовательной деятельности в новых помещениях института в Токмаковом переулке. Летом был запущен новый проект факультета религиоведения – Клуб интеллектуального досуга «Событие».

В 2014 году институт провёл ежегодную конференцию «Традиция святоотеческой катехизации», XX Сретенские чтения, серию семинаров «Богословие и физика» и осуществил многие другие научные проекты.

Окончание на с. 6

Развенчивая мифы

В Москве прошла презентация книги Юлии Балакшиной о Братстве ревнителей церковного обновления

«Настоящее церковное открытие», «яркая, обаятельная и исторически объективная картина», «развенчание мифа», «событие в жизни церковно-исторического общества» – так характеризовали книгу преподавателя кафедры церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского института Юлии Балакшиной «Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст» известные историки церкви, принявшие участие в презентации издания.

Монография посвящена истории возникновения и развития группы «32-х» петербургских священников (в дальнейшем известной как Союз церковного обновления и Братство ревнителей церковного обновления). Какой характер имело это сообщество? как долго оно просуществовало? кто являлся его

Отец Николай Добронравов, один из трёх членов «группы 32», причисленных Русской православной церковью к лику святых

организатором и вдохновителем? – на эти и другие вопросы автор монографии Юлия Балакшина отвечает, опираясь на авторитетные документальные и печатные источники. В частности, в приложениях к монографии впервые опубликована переписка одного из лидеров Братства ревнителей

церковного обновления свящ. Константина Аггеева с профессором Киевской духовной академии Петром

Кудрявцевым, переданная автору главой издательства УМКА-Press Н.А. Струве. Также при подготовке издания автор использовал материалы из личных архивов членов группы «32-х» – священников Иоанна Слободского, Иоанна Егорова, Павла Лахостского. Особое внимание уделено культурному контексту возникновения и существования данного церковного движения.

В презентации издания в Культурном центре «Покровские ворота» приняла участие прот. Георгий Митрофанов, доктор богословия, канд. филос. наук, профессор, заведующий кафедрой церковной истории СПбДА; свящ. Илья Соловьёв, канд. ист. наук, директор Общества любителей церковной истории; Елена Белякова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; Константин Обозный, канд. ист. наук, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ; а также свящ. Георгий Кочетков, профессор, ректор СФИ; Александр Копировский, канд. пед. наук, ученый секретарь СФИ, и Ольга Евдокимова, д-р филол. наук, профессор, преподаватель кафедры русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена. Также на презентации присутствовали потомки членов группы «32-х» священников Иоанна Слободского и Константина Аггеева.

Окончание на с. 8

Отец Иоанн Артоболевский, член «группы 32-х», участник Поместного собора 1917–1918 гг. Прославлен в соборе Бутовских новомучеников

Персона

В Общецерковной аспирантуре и докторантуре прошла церемония присуждения степени почётного доктора митрополиту Диоклийскому Каллисту

13 декабря 2014 года в актовом зале Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия состоялось торжественное вручение диплома Doctor Honoris Causa митрополиту Диоклийскому Каллисту (Уэру).

Решение о присуждении почётной степени было принято Учёным советом Общецерковной аспирантуры и докторантуры и утверждено Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

На церемонии присутствовали: епископ Бачский Ириней (Сербская православная церковь), апостольский нунций в России архиепископ Иван Юркович, настоятель англиканского прихода в Москве капеллан Клайв Файрклоу, викарии Святейшего патриарха Московского и всея Руси, проректор и члены Учёного совета Общецерковной аспирантуры и докторантуры, преподавательская корпорация и учащиеся ОЦАД, сотрудники Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и другие.

В своём слове ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры, председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион напомнил, что основной областью своих исследований владыка Каллист избрал патрологию, которой он остаётся верен на протяжении уже многих десятилетий научной деятельности; несколько сотен научных работ, внесших весомый вклад в развитие православного богословия, было подготовлено и защищено под его непосредственным руководством. «За годы своего преподавания в Оксфорде владыка Каллист воспитал многих исследователей православного богословия и наследия святых отцов, которые сегодня представляют Православную церковь на огромном пространстве западного и восточного мира от Нью-Йорка до Москвы. Среди учеников Владыки – видные иерархи Поместных православных церквей, крупные богословы, работающие в сфере патристики и церковной истории, представители иных христианских конфессий», – продолжил митрополит Иларион.

Он также напомнил, что владыка Каллист является председателем групп «Друзья Православия на острове Айона» (Шотландия) и «Друзья горы Афон», председательствует в Смешанной комиссии по православно-англиканскому диалогу и является членом Смешанной комиссии по диалогу между Католической церковью и Православной церковью.

«Большое внимание уделяет митрополит Каллист русской духовной традиции, – продолжил председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. – Именно на русской почве наследие византийского исихазма получило второе дыхание в жизни и подвижничестве таких великих святых, как преподобные Сергий Радонежский, Нил Сорский, Серафим Саровский и Силуан Афонский. Наследие преподобного Силуана митрополит посвятил несколько работ. Его интерес к этой теме обусловлен

не только чтением писаний преподобного Силуана, но и личным – на протяжении многих лет – знакомством с ближайшим учеником и сподвижником преподобного Силуана архимандритом Софронием (Сахаровым)».

В торжественной обстановке ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры вручил митрополиту Диоклийскому Каллисту диплом и докторский крест.

Затем слово было предоставлено ученикам владыки Каллиста: декану Свято-Владимирской семинарии (США) протоиерею Иоанну Бэру, декану Православного института имени святых Кирилла и Афанасия Александрийских (США) архимандриту Иринию (Стинбергу), преподавателю Православного богословского института в Кембридже и Московской духовной академии иеромонаху Николаю (Сахарову).

В свою очередь митрополит Каллист отметил, что глубоко тронут и польщён честью, которую оказала ему Общецерковная аспирантура и докторантура, вручив почётную степень доктора богословия. «Хотел бы выразить самую сердечную признательность и главе этого учебного заведения митрополиту Волоколамскому Илариону, а также Учёному совету, который удостоил меня этой чести, – продолжил он. – Я рад видеть митрополита Илариона не только в числе моих бывших студентов, но и в числе своих близких друзей. Уверен, что сегодняшняя церемония ещё больше сблизит нас. Также хотел бы поблагодарить трёх моих бывших студентов за щедрые слова похвалы, которой я считаю себя недостойным».

В дальнейшем выступлении митрополит Каллист поделился со слушателями размышлениями о том, что такое богословие:

«Богословие – это не какая-то научная дисциплина, подходить к изучению которой надо сухо и академично. Оно предполагает приверженность к этому делу, готовность посвятить ему всю свою жизнь. Есть очень тесная связь между богословием и молитвой, между вероучительным научением и попыткой прожить то, что мы изучаем, в своей собственной жизни».

Мы все знакомы со словами отца-пустынника Евагрия Понтийского, который сказал: «Богослов – это тот, кто молится. Если человек молится истинно, то он истинно богослов». Поэтому я надеюсь, что Общецерковная аспирантура и докторантура станет не только учебным заведением, но, прежде всего, местом молитвы. И, памятуя об этой глубокой связи между богословием и нашей повседневной жизнью, мне хотелось бы задать вопрос не «что?», а «кто?». И хотелось бы поговорить не столько о том, что есть богословие, сколько о том, кто те богословы, которые оказали на меня наибольшее влияние».

Если говорить о русской религиозной мысли XX века, то такими людьми были отец Георгий Флоровский и Владимир Лосский. Мне очень понравилось, как отец Георгий Флоровский видел неопатристический синтез. И на меня очень повлияло, как Владимир Лосский понимал

мистическое богословие. Я имел счастье и честь знать обоих лично, и их пример послужил для меня большим вдохновением во всех моих трудах в Оксфорде.

Но хотелось бы ещё немного расширить этот вопрос и осветить, кто из святых отцов наиболее повлиял на меня. Мне трудно выбрать из всего богатства святоотеческой мысли того, чьё влияние на меня было наиболее сильным. Возможно, это святой Ириней или Максим Исповедник, святой Симеон Новый Богослов или Григорий Палама. Все они являлись для меня истинным просвещением, но тот, кто может мне быть дороже и ближе всего, – это Григорий Нисский.

Сегодня мне хотелось бы вспомнить о двух моментах в его учении, которые мне наиболее дороги. Они особо подчеркнуты в труде «Жизнь Моисея», в котором святитель Григорий говорит о христианской жизни как о пути, у которого есть три стадии. Первая стадия, что видно из жизни Моисея в эпизоде с Неопалимой купиной, – видение Бога в этом нетварном огне. Катафатическое видение Бога как Света. Вторая стадия наступает при сравнении с путём, который прошёл израильский народ в пустыне, когда Господь водил его и сопровождал как столб огненный и облачный, – здесь мы видим сочетание света и тьмы. И потом наступает третья стадия, когда Моисей восходит на гору Синай и входит в этот мрак. Здесь мы можем говорить об апофатическом видении Бога. Про третью стадию святой отец говорит, что истинное познание Бога – это незнание, понимание того, что ты не можешь познать Его. Таким образом, на этой стадии применяется некий парадокс.

И здесь очень интересно отметить, что святой Григорий видит путь христианина не как путь из тьмы в свет, но как путь из света во тьму, как путь к тайне и в тайну. То же самое можно сказать и о признании богослова. Богослов входит в живую тайну Живого Бога. Но святой Григорий поясняет, что этот мрак отрицательный, а сияющий. Хотя этот мрак символизирует тайну Бога, он также символизирует и единение с Богом. Моисей, входя во мрак, становится един с Богом. Этот мрак – не пустота, а, наоборот, общение с Богом, которое испытывает Моисей на Синае. Это присутствие, сияние, Божественная любовь, о которой говорит Григорий Нисский, есть тот самый свет, который нельзя выразить, – невыразимый, невысказанный свет.

В богословии мы пользуемся разумом и способностью рассуждать как даром, которым наделил нас Господь. Но при этом всегда нужно помнить, что мы пытаемся постичь то, что лежит за пределами нашего разума, потому что это великая тайна.

Именно это учение мне особенно дорого из того, что я вынес из наследия святителя, но есть и ещё кое-что. После трёх богоявлений, которые пережил Моисей, – Неопалимая купина, огненный столб и потом явление на горе Синай, – есть ещё и четвёртое явление. Здесь святой Григорий Нисский обращается к эпизоду из 33-й главы книги Исход, когда Бог поставляет Моисея в расщелине скалы и проходит мимо во всей Своей славе,

и Моисей, выглянув, видит Его только сзади. Что это значит? Если ты видишь чью-то спину, значит, ты идёшь вслед за этим человеком. Посему, утверждает Григорий Нисский, следуя за Христом, мы всегда должны идти вслед за Ним, но при этом, видя Его спину, никогда не можем полностью догнать Его; мы всегда идём позади. И после он говорит об ещё одном парадоксе: что познать Бога, встретиться с Богом значит увидеть Его лицом к лицу.

Святой Григорий Нисский воспринимает жизнь христианина как постоянное движение вперёд – движение, которое не прекращается и в жизни вечной. Когда я был ребёнком, у меня была книжка про кота Феликса. Ему достались волшебные башмаки, надев которые, он мог везде ходить. В книжке повторяется одна и та же мысль: он ходил, и ходил, и продолжал везде ходить. Это, конечно, труд не Григория Нисского, но здесь проявляется и его богословие: быть христианином, быть богословом – значит никогда не останавливаться на достигнутом, всегда продолжать движение вперёд, всегда следовать за Господом. И суть совершенства, говорит святитель, в том, что мы никогда не достигаем его, не становимся совершенными. Мы простираемся вперёд к тому, что ждёт нас, переходим от славы к славе.

То же самое можно применить и к богословскому труду. Труд богослова никогда нельзя считать завершённым – это всегда временное, незаконченное, нынешнее состояние. Это всегда то, что не доведено до конца, и как бы мы ни были красноречивы в своём богословии, мы всегда можем выразить лишь малую толику истины.

Святой Ириней говорит: «Даже в веке будущем Господь всё ещё будет нам приоткрывать о Себе что-то новое, и нам будет чему научиться». Мне хотелось бы, чтобы те из вас, которые преподавать здесь, и те, которые обучаются, всегда помнили: всё, что мы слышим и преподаём, – лишь малая толика того, что может и должно быть сказано. Мы никогда не можем постичь это во всей полноте».

Служба коммуникации ОВЦС

После окончания церемонии митрополит Каллист дал комментарий корреспонденту «Кифы» Софье Андросенко, спросившей его о главных итогах минувшего года:

Как я уже говорил во время церемонии, богословие – это тайна. И мы никогда не можем постичь эту тайну до конца, мы всё время узнаём нечто новое. Пусть Свято-Филаретовский институт будет местом, где священная тайна хранится с благоговением и где вы всегда будете искать новые пути её постижения.

Самыми важными в этом году для меня стали приезд в Россию и присуждение мне почётной степени аспирантурой и докторантурой свв. Кирилла и Мефодия. Также я дважды был у Вселенского патриарха Варфоломея в Константинополе, и мы говорили об экологии и защите окружающей среды, что тоже стало для меня одним из важных событий в минувшем году.

Издание Преображенского сотрудничества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бюрк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 23 декабря 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 26 декабря 2014 г.

Встречи и конференции

В СФИ прошёл вебинар о проблемах длительной катехизации на приходах

14 декабря в Свято-Филаретовском институте состоялся вебинар «Опыт и проблемы длительной катехизации в Русской православной церкви»

В нём приняли участие члены кафедр миссиологии, катехетики и гомилетики и богословских дисциплин и литургики СФИ, сотрудники Научно-методического центра по миссии и катехизации и практикующие катехизаторы из разных епархий.

На вебинаре обсуждались проблемы, связанные с

проведением длительного оглашения в приходских условиях. Как реализовать традиционный смысл катехизации – помочь людям в обретении самостоятельности в вере и подготовить их к ответственному христианскому пути – в условиях наиболее распространенной сегодня приходской формы организации церковной жизни?

Как избежать функционального, утилитарного подхода к оглашаемому, не сводить катехизацию к подготовке помощников или сотрудников прихода? Следует ли ориентировать оглашаемых на приход как центр христианской жизни? Может ли приход, члены которого порой с трудом принимают оглашаемых в свои ряды, стать союзником катехизации? Эти и другие вопросы к вебинару формулировали сами его участники – клирики и миряне, занимающиеся катехизацией в разных регионах России и сталкивающиеся с похожими проблемами.

Существует множество трудных вопросов, которые катехизатор должен прежде разрешить внутри себя, чтобы помогать оглашаемому входить в Церковь, от-

крывать свою жизнь Богу и другим людям. Ошибки катехизатора всегда «бьют» по людям и потому требуют гораздо более серьезного покаяния, чем многие другие грехи, с которыми обычно приходят на исповедь, убежден ректор СФИ священник Георгий Кочетков.

Зачастую катехизическое служение более органично развивается на базе христианских школ и образовательных центров, чем приходов. Такова одна из тенденций, которую выявил опыт участников вебинара. Самое главное – чтобы это служение не отторгалось в церкви, чтобы в ней были те, кто хочет приводить людей ко Христу и друг ко другу, – к такому выводу пришел катехизаторы.

Вебинар предваряет очередную ежегодную богословско-практическую конференцию СФИ «Традиция святоотеческой катехизации», запланированную на май. По итогам разговора участники договорились продолжить серию подобных вебинаров.

Софья Андросенко

Фото: Николай Токарев

Что значит быть иноком в современном мире

В Кишинёве прошли III Международные Паисиевские чтения на тему «Иночество в миру в эпоху постмодерна»

Прото-Днестровское междуречье, в котором находится современная Республика Молдова, во все века своей истории было своего рода междуземьем. В политическом плане эта земля всегда находилась на стыке сфер влияния соседних государств. В плане социально-экономическом многонациональная постсоветская республика переживает не только глубокий экономический кризис, вынуждающий многих уезжать за границу на заработки, но и кризис столкновения идеологий, проевропейского и пророссийского внешнеполитических векторов. Не меньшую проблему представляет собой сосуществование на этой территории двух митрополий – Кишинёвской, находящейся в юрисдикции Московского патриархата, и Бессарабской в составе Румынской православной церкви.

Как преодолеть это разделение по политическому, национальному, религиозному, языковому признакам? Каким может быть христианский ответ на вызовы эпохи с многочисленными приставками «пост-»? Что такое иночество в современном мире? Какие духовные задачи стоят перед христианами в этом межвременье, на пересечении эпох, культур и языков?

В поисках ответов на эти и многие другие вопросы малое православное братство во имя прп. Паисия Величковского по благословию митрополита Кишинёвского и всея Молдовы Владимира, при содействии Ново-Нямецкого Свято-Вознесенского монастыря провело 6-7 декабря III международную научно-богословскую конференцию на тему «Иночество в миру в эпоху постмодерна». Прошедшие чтения были посвящены 220-летию со дня преставления преподобного Паисия Величковского. В ней приняли участие более ста человек из шести стран: Молдовы, Румынии, России, Латвии, Германии и Белоруссии. Конференция проводилась сразу на двух языках – румынском и русском.

Путь иночества

По уже сложившейся традиции, открывал конференцию прот. Максим Мелинти, кандидат богословия, доктор исторических наук, настоятель Покровского храма села Гидигич. Отец Максим зачитал собранному переданное ему приветствие Преосвященного Владимира, митрополита Кишинёвского и всея Молдовы, пожелавшего плодотворного труда всем участникам.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский, архим. Таврион (Батозский), св. Иоанн

Трифа, Траян Дорз, м. Мария (Скобцова), Франц Егерштеттер, Александр Шморель, Евфросиния Керсновская – что объединяло таких разных людей, исполнявших разные призвания, живших в разные эпохи, в разных культурных мирах? Может быть, одним из ответов на этот вопрос было то, что они согласились следовать путём иночества. Следование за Сыном Человеческим, Которому «негде было главу приклонить», – узкий путь духовного странничества, скитальчества и изгнанничества.

По сути, об этом нам говорит ещё Послание к Диогнету. Слова из этого текста, написанного ещё в доконстантиновскую эпоху, стали одним из лейтмотивов предыдущих Паисиевских чтений на тему «Отечество земное – Отечество Небесное»: «Живут они [христиане] в своём отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всём, как граждане, и всё терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна». Вызовы времени побуждают нас заново переосмыслить Послание к Диогнету в постхристианскую эпоху, так же как и пути иночества в постконстантиновскую эпоху. «Мы знаем выдающийся пример Антония Великого, жившего в третьем веке. Он удалился в египетскую пустыню и собрал вокруг себя крепкую монашескую общину. Благодаря уходу из мира у монахов было больше возможности жить богоугодной жизнью. Однако они очень быстро осознали, что им ещё предстоит завоевать “пустыню” в собственных душах», – отметил Георгий Афтанасэ из Брашова, один из членов братского совета «Воинства Господня». Вместе со св. Иоисифом Тома гости из румынского братства «Воинство Господне» («Oastea Domnului») рассказали об истории этого движения и его основателях Траяне Дорзе и Иоисифе Трифа. «Воинство Господне» – братство, состоящее преимущественно из мирян, которые решили вместе искать пути иночества в современном мире.

Прозвучал доклад Николая Фушты из Кишинёва, доктора богословских и исторических наук, профессора Института истории АН Молдовы «Иисусова молитва в опыте прп. Паисия Величковского». Опираясь на труды преподобного, который, как известно, был возродителем исихастской традиции «умного делания», докладчик последовательно помогал увидеть непреходящую ценность Иисусовой молитвы, практика которой возможна как для монахов, так и для не монахов.

Доклад Юлии Балаксиной из Санкт-Петербурга, кандидата филологических наук, магистра богословия «Будем держаться бесценной, святой, премирной свободы»: поиск путей иночества в миру в духовном опыте св. прав. Иоанна Кронштадтского» познакомил слушателей с опытом известного и многими чтимого святого, который, не будучи монахом, избрал путь иночества в миру. Остро переживая секуляризацию общества, праведный о. Иоанн видел свою миссию в том, чтобы «вносить мир в тот мир, где мира нет».

Профессор Аурел Елисеевич Маринчук в своём сообщении рассказал о землячке Евфросинии Керсновской: «Евфросиния Керсновская – пример жизни по правде». Её мужественное противостояние лагерному аду открывает нам новый аспект темы иночества. Свою лагерную жизнь сама Евфросиния впоследствии назвала «Великий постриг».

Ярким и запоминающимся стало выступление аспирантки кафедры философских наук из Гейдельбергского университета (Германия) Ольги Манзуры. Темой её доклада стало «Иночество в миру в контексте Сопротивления».

Трудности перевода

Проведение конференции на двух языках, русском и румынском, выявило неизбежные трудности перевода, которые стали импульсом для творческого поиска и проткрыли новые грани знакомых смыслов. Например, само понятие иночества с трудом переводится на другие языки и больше ассоциируется с традиционным монашеским укладом жизни. Слово «инок» представляет собой словообразовательную кальку с греческого monachos, происходящего от корня «monos» – «один». В буквальном смысле «монах» и «инок» – тот, кто живёт в одиночестве. И, вместе с тем, неслучайно, что в русском языке слово «инок» созвучно со словом «иной».

Не монах, но инок?

Не только инок переживает муку одиночества и отверженности миром сим за Христа. Духовные движения внутри церкви, решившись на подлинное следование за Христом, становятся изгнанниками и скитальцами в родных стенах родной церкви и в то же время только в ней могут исполнить своё призвание. На конференции св. Иоисиф Тома процитировал слова Траяна Дорза, обращавшегося в годы гонений к членам «Воинства Господня»: «Если вас гонят из церкви, оставайтесь в притворе. Если

вас гонят из притвора, оставайтесь на паперти. Но ни за что не уходите из Православной церкви!»

Подвиг духовного странничества прп. Паисия (1722–1794), жившего в эпоху межвременья, принес свои обильные плоды (этому были посвящены I Паисиевские чтения на тему «Прп. Паисий Величковский и его община как пророческое явление в церкви и обществе»). Через 150 лет, когда в России проводилась кампания по изъятию церковных ценностей, в этих жерновах межвременья, кризиса и разрухи в румынском городе Сибиу в 1923 году родилось «Воинство Господне». «В годы после Первой мировой войны все материальные ресурсы Румынии были истощены, духовные силы были задушены грехом, малоимущие слои населения были неграмотны, а политики никак не могли найти общий язык. Больницы и тюрьмы были переполнены, только церковь пустовала: в ней не было верующих, не было сердца, движимых действенной верой» – так описал в своём докладе св. Иоисиф Тома то внешне безнадёжное историческое время, в котором возникло одно из крупнейших церковных движений XX века.

Спустя несколько десятилетий в этом межвременье родились и первая община Преображенского братства в Москве в 1988 году, и малое православное братство во имя прп. Паисия Величковского в Кишинёве в 2005 году.

В наши дни на сломе эпох и стыке внешнеполитических и церковных сфер влияния живёт не только Молдова. В этих жерновах межвременья сейчас перемальвается весь мир. Позволит ли церковь перемолоть себя жерновам секуляризма и фундаментализма или решится принять вызов эпохи постмодерна и явить миру свидетельство общения в духе Пятидесятницы?

По итогам III Паисиевских чтений планируется издание сборника прочитанных докладов. Материалы предыдущих двух конференций были изданы под одной обложкой и представлены в рамках прошедших чтений.

Елена-Алина Патракова, Светлана Кирьяк

Фото: Анастасия Плетенская

«Видел я, отче, некий сладчайший свет»

Когда слышишь о свете ведения, не думай, что это есть только ведение без света, потому что это не называется изречением или словом ведения, но светом ведения или светом познания, поскольку этот свет рождает в нас ведение, ибо невозможно кому-либо познать Бога, кроме созерцания света, посылаемого от самого Света, то есть Бога.

Как тот, кто рассказывает другим о какой-либо стране или каком человеке, рассказывает то, что видел и что знает, а те, которые слушают его, не могут по одному слуху познать того человека или ту страну так, как знает их видевший и рассказывающий, так и о Небесном Иерусалиме, о Боге, невидимо в нём обитающем, о пресветлой славе лица Его, о действии и силе Святого Духа, то есть Света, никто ничего не может сказать верного, если прежде не увидит умными очами души своей этот Свет и не познает точно осияния и действия его внутри себя самого.

...Когда кто увидит Бога, ему явившегося, то видит свет и, видя его, дивится, но не узнает точчас, Кто есть Тот, Кто явился ему, и не осмеливается спросить Его; ибо как ему спрашивать Его, когда не осмеливается очей поднять, чтобы получше рассмотреть, что это такое, но смотрит с великим страхом на стопы Того, Кто явился, зная лишь, что есть кто-то, явившийся ему.

Но если близко от него находится тот, кто прежде говорил ему, что видел Бога, то впервые увидевший свет идёт к нему и говорит: «О, отче! я видел то, о чём ты говорил мне». Тот спрашивает его: «Что ты видел, чадо моё?» – «Видел я, отче, некий сладчайший свет, но что это была за сладость, не могу выразить». Когда говорит он это, сердце его трепещет от радости, и ликует, и пламенеет любовью к Тому, Кто явился ему. Потом опять начинает он говорить со многими теплыми слезами: «Как явился мне, отче, этот свет, тотчас исчезла келлия моя, исчез мир, отбежав, как кажется, от лица Того, Кто явился мне, и я остался один с этим светом и не знаю, отче, в теле ли я был там тогда или вне тела...»

...Если, таким образом, пребудет он в плаче, и слезах, и в смиренном припадании к Богу, то начинает мало-помалу более познавать, что есть Божие, и, достигнув этого, уразумевать волю Божию, святу, угодную и совершенную.

Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 63.

Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Часть 2. - М.: Правило веры, 2001, с. 53-75.

Еретики прекали христиан в том, что сжигают целую массу свечей

Употребление светильников при богослужении прежде всего было вызвано необходимостью, так как в первые времена христианства христиане из страха нападения гонителей совершали своё богослужение большею частью в ночное время. Но несомненно, что употребление светильников и тогда уже не считалось только делом необходимости.

...В особенности же символическое значение употребления светильников при богослужении открывается в том, что они с самых первых времён христианства употреблялись не только при вечернем и ночном, но даже и при дневном богослужении, как это видно из свидетельства Павлина, епископа Ноланского (IV и начало V в.). По его словам, светлые алтари и при вечернем и при дневном богослужении были уставлены стоящими близко друг к другу светильниками. На упрек еретика Вигилияна христианам в том, что они сжигают целую массу свечей и днём в храмах, блаженный Иероним говорил, что христиане в этом случае поступают не бессмысленно: светильники употребляются ими при богослужении, особенно при чтении Евангелия, как символ радости.

...Свет, разливаемый ими, служит для нас символом великого Света миру – Иисуса Христа. Свет этот напоминает нам, чтобы мы твёрдо стояли в вере во Христа и были верными учениками Света.

Цит. по изд.: Таинственный смысл символических священнодействий. М.: Синод. Тип., 1906.

Праздник Света

Из проповеди священника Георгия Кочеткова на начало Рождественского поста

Начало на с. 1

Мы с вами прекрасно понимаем, что человек – это существо, пронизанное самыми разными энергиями, в том числе такими, которые можно сравнить с действием света, с его явлением. Мы знаем, что человек – удивительнейшая антенна, подобной которой в мире нет. И через человека познаётся Бог, как через Бога познаётся человек, и никак иначе. Когда человек спрашивает: кто я? или хочет узнать, кто он, кто ты – он не может получить ответ на этот вопрос, не познав сущности божественной Любви, божественной Свободы, божественной Истины. Всё-таки, дорогие братья и сёстры, есть существенное различие в том, куда нас направляет та или иная вера. Действительно, не только греховностью людей объясняется различие религиозных вер на земле в человеческой истории. Конечно, в этом разделении, в этой вражде разных религий есть многое от человеческого греха. Люди стараются подчеркнуть свою особенность, и при этом редко думают о Боге и о божеском, впрочем, как и о человеке и человеческом. Некоторые в наше время верят – и очень любят об этом говорить, ведь это звучит внешне убедительно, – что вера определяется местом жительства человека: вот в такой-то полосе или в таком народе и в такой культуре хорошо верить так-то, а в другой по-другому, а вот там ещё иначе. И многим это кажется обоснованным, будто вера человека определяется лишь внешними условиями существования. Но мы-то с вами всё-таки знаем, что это не так. Христианином вполне можно быть в любой части света, принадлежа к любому народу.

Каждый человек на земле призван быть христианином. «Идите, научите («сделайте учениками»), по более правильно переводу) все народы, – говорит Христос, – крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я заповедал вам». Это сказано обо всех людях, и нельзя сказать ни об одном человеке, что он не может стать христианином только потому, что он не там или не в то время родился, или в нём течёт какая-то другая кровь, или он унаследовал какую-то другую культуру, другой язык. Темперамент людей зависит от всего этого, но быть или не быть христианином зависит совсем от других вещей. Христианин – член богоизбранного Народа, и это призвание открывается свыше. Когда человек становится способным воспринимать

божественный Свет, божественную Любовь, только тогда он может, пусть даже и ещё очень ограниченно, называться верным Богом, т. е. христианином.

Конечно, никто из людей не вмещает *всей* божественный Свет. Носителем *всей* полноты Божества был только Христос. Ни один другой человек на земле – даже святой – всего божественного Света не вмещал. И мы это знаем. Мы спорим, скажем, с католиками, которые считают, что Матерь Божия родилась от своих родителей непорочно, т. е. так же, как Христос. Это намёк как раз на такую абсолютную безгрешность, абсолютную вместимость *всей* полноты Божественного Света. Но православие так не думает, православие так не верит. Православие говорит, что даже Божья Матерь – а именно так мы её величаем – была рождена, унаследовав первородный грех.

Но беда в том, что мы с вами часто не очень-то верим в то, что несмотря на всю нашу человеческую ограниченность, Свет уже пришёл. Это очень важно, дорогие братья и сёстры, – как приходит божественный Свет в этот мир, как он сейчас светит. Мы часто не очень видим это сияние божественного Света. Конечно, не в себе – о себе говорить и свидетельствовать трудно, да и не нужно и даже невозможно, – но в других, в Церкви.

Мы часто не верим в Церковь, потому что не видим этого Света. Поэтому мы так часто слышим высказывания, что да, Церковь – это, конечно, мистическое Тело Христово, вместилище благодати, но в первую очередь это иерархия, в первую очередь это церковное учреждение. Людям очень нужны чисто человеческие учреждения в Церкви, потому что верить в Церковь очень трудно. В Церкви как Теле Христовом может сиять божественный Свет. Но где мы его видим, как он проявляется, где он светит, какие плоды это приносит, как меняется наша жизнь в связи с этим? Это не такие простые вопросы. Христианство есть вера, основанная на опыте Богопознания, на истинном божественном Откровении. И мы не можем просто повторять формулы, данные в Писании или когда-то кем-то в прошлом. Это было бы уже уклонением от полноты православия, от полноты христианской веры.

Многие христиане не очень обращают внимание на Рождественский пост. Конечно, сейчас посты уже не связаны с

главными мотивами, ради которых они устанавливались в древности. Постных усилий ради поддержки просвещаемых, которые должны были бы по церковной традиции в глубокой древности принимать крещение на Рождество или Богоявление, по сути дела сейчас нет или почти нет. Единственное исключение, которое я знаю, – это практика в нашем братстве. А больше по всему миру я такого не слышал и не видел нигде. Это действительно древнейшая общехристианская традиция, но сейчас она почти не действует. Нет и стремления экономить свои средства в пост ради помощи другим, прежде всего бедным, нуждающимся, скитающимся, страдающим людям, старым и малым. К сожалению, и этот мотив поста ушёл в прошлое.

Но давайте сохраним в полной мере хотя бы последний, третий мотив, если у нас не очень-то получается с первым и вторым, а если и получается, то в слишком уж малых масштабах и объёмах. Давайте хотя бы поразмышляем во время этого поста о Богоявлении. Пусть снова Рождество и Крещение Господне называются праздниками Света, чтобы укрепить эту веру во Свет, чтобы мы смогли с вами снова стать свидетелями о Свете, пришедшем в этот мир – падший мир, страшный мир, по очень многим параметрам не совместимый ни с каким Светом, ни с какой правдой, ни с какой благодатью и истиной. И Бог ценой всех Своих божественных атрибутов, всего Своего божественного величия и могущества преодолел все препятствия, собственные этому миру, всё противоречие, всю противоположность мира Божьего и мира тварного, к тому же лежащего во зле.

Время поста – это всегда благодатное время покаяния, это всегда подвиг сближения человека с Богом, а значит, с божественным Светом Любви. Пусть же каждый из нас приблизится к этой Любви, и пусть эта Любовь приблизится к нам, чтобы мы не были пустыми пред лицом Господним. Ибо единственное, что Бог ценит в человеке, – это способность жить по-божески, в этой самой Любви, Свободе и Истине, в этом Свете, свидетельство о котором пред всеми ближними нашими и является нашим призванием. Как ещё исполнить заповедь о любви к ближнему, как не засвидетельствовав ему о явлении божественного Света! Всё остальное производно, всё остальное не лежит на глубине.

Конечно, вы скажете, как обычно, что всё это должно быть в нас во все дни нашей жизни, а не только в пост, и будете правы. Но как этого достичь? Наверное, только особым усилием. Давайте же каждый из нас сделает это усилие, чтобы потом, может быть, стать свидетелями о Свете уже не только в пост, а действительно всей своей жизнью. Пост – это только трамплин, это только новая возможность. Это радость для нас, радость освобождения, как и всё, что лежит в плоскости христианской аскетики.

Пусть же каждый из нас возрадуется этой возможности освободиться от всего, что отделяет его от божественного Света и делает невозможным свидетельство о Свете в этом мрачном мире. Только когда мы становимся носителями божественного Света, посрамляется всякое зло, всякая неправда и всякая тьма, которая всегда рождается и развивается в человеке и через человека в этом мире. Дай же Бог, дорогие братья и сёстры, чтобы каждый из нас всегда был носителем этого Света, дай Бог, чтобы так в нас и через нас совершалось возрождение полноты жизни Церкви и всех служений в ней.

Аминь.

На вечернем богослужении в часовне Свято-Филаретовского института

Из письма В.В. Бибикина
О.А. Седаковой

...На свете, собственно, ничего нет, кроме таких вещей, как Ваше письмо, от медового Спаса. Мой день рождения – третий Спас, нерукотворный образ, и может быть, под этой тенью, сенью я всё яснее вижу, как единственно только и существует раннее, невидимое движение к добру, или движение добра. Я не очень отличаю, умею отличать, в этом отношении насекомых или растения, тянущихся к солнцу, или маленьких детей: первая сила, очень простая, очевидная, от которой всё, вокруг которой наслаивается весь интеллектуальный рост, имеет дело с тем, что люди пока не сумели назвать точнее чем добро зло, бытие небытие. Человеческая власть над этими вещами совсем невелика, но знать, что только они важны, что в начале всего императив выбора, что выбрать верно нам не дано, что смирение и внимание этим диктуются, – вроде бы в нашей власти.

<...> Я, который давно (с детства, когда маленьким я всегда на футболе, куда меня водил отец, втайне хотел победы не своим, приглашённым, слабым, потом всегда приезжим иностранцам именно из-за желания, инстинктивного, быть с меньшинством) выбрал Бориса и Глеба (летописи, не легенды и литературы), колесблюсь – вернее, раздоран – между двумя знаниями, противоположными и бесспорными: первое, что София, не наша мудрость, таинственные сотни тысяч или десятки миллионов лет или вечность Человека, смирение земли, не переставали и не перестанут; и что придётся, удивляясь, быть согнанным в могилу от бессилия. Сейчас я заметил, что неточно сказал, и именно с оттенком страха смерти, который вы можете здесь вычитать, потому что я от него не предостерегся (от оттенка и от страха) как раз потому, что его у меня нет. Странное зрение появляется иногда в окружении Ольги, Владимира, Олега, Романа, глаза меняются и видят вещи не то чтобы спасённым, но очень широким, просторным взглядом, гораздо более вместительным и гораздо менее введённым в колею чем мой, как бы взглядом многих: разных людей в очень разные времена. Поскольку это зрение тоже моё ведь, при том что оно очень привлекательно, оно сильнее чем зрение, ограниченное моим составом (как назвать то, что положить в гроб? моим телом я с меньшим успехом могу и хочу назвать тело того зрения; «собственных лет число видели мы и сочли, однако лета народов, видело ль смертное око их?», – видело, что их все не увидеть), и эта новая идентификация особенно отвлекает от «страха смерти», заставляет больше думать о другой странной смерти.

<...> Страдание, беззащитность объединяют всех людей, но я хотел бы быть внутри этого единства намеренно, со знанием дела. Оно не мешает раю, о котором я вам говорил. Ах ничего на свете по-настоящему нет кроме того, что рано происходит в темноте во встречах добра и зла, бытия и небытия. Ничего нет, и говорить не интересно.

Зосимова пустынь, 16.8.1994

К десятилетию кончины Владимира Вениаминовича Бибикина

О том, что значили эти десять лет для русской философии, размышляет Сергей Сергеевич Хоружий

Десять лет. Для русской философии, русского философского сознания это были – десять ЕГО лет, десять лет, прошедших под знаком Бибикина. Неустанными усилиями О.Е. Лебедевой, жены философа, все эти годы в России выходили и продолжают выходить в свет его новые и новые труды – прочитанные им оригинальные авторские курсы лекций, сохранённые в его архиве. Они читались 15, 20 и более лет назад – и однако они воспринимаются сегодня как совершенно актуальные, говорящие на самые нужные и важные темы дня: «Собственность», «Правда», «Энергия», «Введение в философию права»... Книжки встречают живой интерес, читаются и обсуждаются, и некоторые из них становятся подлинными философскими событиями. Две книги Бибикина стали первыми лауреатами новоучреждаемых книжных премий: «Витгенштейн: смена аспекта» (2005 г., Премия за лучшую книгу по философии) и «Дневники Льва Толстого» (2014 г., Премия Фонда А.М. Пятигорского). На-

конец начинает происходить то, что, увы, так и не началось при жизни мыслителя: продумывание его мысли, осмысление его идей, вбирание его творчества в активный рабочий фонд идущего философского развития. Вехой на этом пути стала первая Международная конференция, посвящённая этому творчеству: она прошла в Петербурге в мае 2013 г. Наметились и перспективы выхода творческого наследия Бибикина за пределы российской культуры, в горизонт европейской мысли: известный Институт Наук о Человеке Венского университета (Австрия) выделил грант, в рамках которого уже начата работа по переводу трудов философа на западные языки.

Итак, рецепция творчества В.В. Бибикина, рецепция самого феномена Бибикина как особого мира, как большого явления русской мысли, несомненно, продвигается. Но это – едва ли не единственный отраднейший факт в сегодняшней жизни философской и гуманитарной культуры в нашем отечестве. Встреча с мыслью Бибикина, её прочтение, пусть

худобедно, но состоявшееся, – это почти и всё дельное, ценное, что сумело произойти в этой жизни за всё десятилетие после его ухода. Что, собственно, ещё было за это время, кроме убогого мельтешенья сонмищ так называемых «философов», лихорадочно занятых имитацией философствования, рьяным сооружением всех конструкций, что создают внешнюю видимость его? Ни новых имён, ни ярких произведений. Куда-то делась русская мысль – отгул взяла? Или как в ранней юмореске Антоши Чехонте, «русская мысль у квартального»? Без малого век назад в Пушкинском Доме Блок незадолго до своего ухода возвещал об опускающемся мраке и завещал в нём аукаться именем Пушкина. Сегодня имя Владимира Вениаминовича Бибикина – в числе тех, которыми мы можем аукаться в новой мгле. Только вот те, кто оставались тогда, чтобы аукаться в опускавшемся советском мраке, – Павел Флоренский, Алексей Лосев, Густав Шпет... – не нам, нынешним, чета...

О спецкурсе В.В. Бибикина* вспоминают выпускники Свято-Филаретовского института

Борис Колымагин: «А вы думаете, на технику можно воздействовать? Разве она не живёт своей жизнью?» – Бибикин смотрит вопрошающе. И мой пафос, связанный с нравственной ответственностью деятелей науки и культуры за судьбы прогресса, куда-то улечучивается.

Бибикин расщепляет слова. Он весь – в паузах и вопросах, в пересобирании смысла. Он ищет смысл: не правильный ответ вообще, из общих соображений, а точное слово в данной конкретной ситуации по конкретному случаю. Слово – и внутреннее подтверждение ему через паузу, через молчание на двоих.

Очень осторожно берёт гонорар за перепечатанную статью на сайте, где я подвизаюсь: «А вам точно не нужны эти деньги?» Щепетилен. Сам, я узнал об этом гораздо позже, не принял в дар от богатых родственников квартиру: не было с ними никакого живого общения, вот и не взял.

Нет, он не из старых интеллигентов, «бывших», превратившихся в одночасье в бедных русских. Его социальный статус понятен: интеллигент. По крайней мере, в тренде. Он современен, преподаёт в «вышке», говорит о политике, идеологии, кризисе, то есть о том, что востребовано. Но одновременно в публичной риторике мы слышим его слова о бытии и свободе: они не отдают архаикой. И он искренне недоумевает: почему все потянулись к деньгам?

Философ действует в социуме. И остаётся свободным. То есть пытается отвечать на возникающие проблемы не по подсказкам господствующего дискурса, а исходя из себя. Жёсткая сила вещей и свободный человеческий дух на путях потерянной и строящейся жизни. Скажем так, нарисуем такую романтическую картинку.

Я помню его сероватую, слегка потёртую кофту, звучащие в разных аудиториях слова: на презентации книги о братстве св. Софии, на философской конференции, на семинарах в СФИ на Покровке.

Да, семинары, наверное, самое продолжительное время общения с Владимиром Вениаминовичем. Нас, старшекурсников, немного. Бибикин чувствует себя спокойно: знает, что никто не зашипит сладострастно в лицо: «Еретик!» А ведь по всей белокаменной в фундаменталистских кругах шипят: охота на меневцев и чокотковцев в разгаре.

Бибикин читает курс о Григории Паламе. Размышляет о позиции его противников. Находит, что и у Варлаама, нападшего на святителя, были законные

недоумения: есть в паламизме то, обо что можно споткнуться. И спотыкаются – до сих пор.

В перерыве между занятиями Ирина Богатова, Маргарита Шилкина или ещё кто-то из сестёр разливают чай. Жаль, нет домашних пирогов с капустой или творогом, которыми славится Вера Карулина – жена преподавателя СФИ теолога-златоуста Давида Гзгзяна. Что поделать, наши сокурсницы не на это «заточены».

Маргарита Шилкина: Во время учёбы в СФИ на старших курсах мне почастливилось дважды слушать курсы лекций Владимира Вениаминовича Бибикина. Пересказать то, что он говорил, невозможно, хотя толстая тетрадка с конспектами лежит в тумбочке до сих пор. Но в лекции важно каждое слово, каждое – на своём месте. Иногда это именно только слово, потом молчание, потом размышление вокруг этого слова. Остался в памяти целостный образ: нас несколько человек, сидим в актовом зале. Владимир Вениаминович, в сером джемпере, невысокий, говорит негромко, скорее размышляет, чем рассказывает, и приглашает к этому размышлению нас. Аристотель, Палама, энергия, раннее христианство и догматические поиски... Откровение новой мысли происходит у тебя на глазах. Нельзя сказать: «я ничего не понимаю» (хотя и правда, не понимаю) – надо не понимать что-то готовое, а делать то же самое открытие вместе с ним. Он относится к нам как к равным, как к тем, кто любит и хочет мыслить (он почему-то верит в это) и одновременно хочет поделиться тем, что знает он и не знаем мы. Так относился к своим слушателям С.С. Аверинцев – уважительно, никогда не снисходительно. Мы интуитивно чувствуем, что нам в жизни выпал какой-то очень большой подарок, но внешне всё так просто, обычно, что и мы держимся свободно, не боимся «не сдать зачёт». Нам просто интересно.

Второй раз, уже через несколько лет, меня поразила его статья «Православие и власть». Я писала тогда выпускной диплом по церковно-государственным отношениям, и небольшая работа В.В. Бибикина вдруг как-то резко расширила горизонты и показала необычайную глубину и церковность темы. Прошло 10 лет, а я всё время вспоминаю её, когда читаю или говорю что-то об отношениях церкви и государства, как камертон, который не даёт ошибиться.

Лариса Мусина: Если говорить не о тех достижениях и работах Владимира Вениаминовича, которые являются общим достоянием в нашей культуре, а

о личных моих впечатлениях и памяти, то главная память о Бибикине-преподавателе – это чувство солидарности в приобщении к всемирной человеческой мысли, человеческому познанию, которое оставалось от его лекций. Мы все – студенты, которым он преподавал, он сам и те мыслители прошлого, о которых шла речь, как бы искали одного и того же, пытались открывать то, что есть, в большом смысле «есть» (*нем. sien*), а не просто занимаясь частными темами или персонами. Этот момент схватывания и видения в целом, который отличает мыслителей крупных, Бибикин делал общим достоянием. Было странно, и трудно, и необычно, и очень вдохновенно. Было понятно, что необычный разворот темы, который предлагался в его спецкурсах, – это не столько гипотеза, которая лучше объясняет какие-то факты, сколько вход в мир этих фактов, некая путеводная нить – и можно идти. Было ощущение неповторимости и Божьего дара.

Вспоминается мне и ещё одно, уже не студенческое впечатление. В связи с тем, что мы публиковали доклады Владимира Вениаминовича в сборниках институтских конференций, мне приходилось общаться с ним в качестве редактора редакционно-издательского отдела. Владимир Вениаминович слыл человеком независимым, кто-то даже считал, что он невыносим и с ним невозможно общаться. А в моём случае был совершенно конкретный редакционно-издательский вопрос. Владимир Вениаминович занимался философией языка, и было известно, что он свободно обходится с «оковами казенной грамматики», считая, что «правила расстановки знаков препинания сочинены в канцелярии» и далеки от того, что является настоящим письмом и литературным творчеством. Соответственно, он ставил знаки препинания в своих работах совершенно по-своему. Поэтому у редактора была конкретная проблема: что с этим делать. Но как только я к нему подошла (он тогда пришёл на молитву в институтскую часовню – перед своими лекциями он иногда приходил на вечерню) и начала говорить – он сказал: «Ну конечно, ну что Вы, ну как же может быть по-другому? Вы же издаёте сборник конференции, конечно, пунктуация должна быть унифицирована!» И я поняла, что характеристика «невыносимые люди» нуждается в комментарии.

* В 2002 и 2003 годах В.В. Бибикин прочитал для старшекурсников Свято-Филаретовского института курсы «Учение об энергии в философии» (7 лекций) и «Раннее христианство в догматическом аспекте» (6 лекций).

АКТОВЫЙ ДЕНЬ Свято-Филаретовского института

В день памяти святителя Филарета Московского в большом зале Российской академии образования собрались преподаватели, сотрудники, студенты и друзья института

Начало на с. 1

Священник Владимир Тарасов, проректор по воспитательной работе Белгородской духовной семинарии, поздравляет институт от имени митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна

Было продолжено сотрудничество с РПУ св. Иоанна Богослова, Московской высшей школой социальных и экономических наук, Латвийским государ-

ственным университетом, богословским факультетом им. митрополита Андрея Шагуны в Сибиу, Гуманитарным университетом в Екатеринбурге.

Преподаватели, выпускники и студенты принимали участие в научных конференциях в России и за рубежом, а также многочисленных церковных и общественных инициативах. Одна из них – поминальное чтение имен жертв советских репрессий 30 октября в Москве и других городах.

Своих представителей на Актный день СФИ направили председатель Отдела религиозного образования и катехизации митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий, председатель Миссионерского отдела и ректор Белгородской духовной семинарии митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, ректор Российского православного университета игумен Пётр (Еремеев). Институт поздравили ректор Кузбасской духовной семинарии митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх, ректор Русской христианской гуманитарной академии Дмитрий Богатырёв, директор курсов катехизаторов во имя священномученика Фаддея протоиерей Игорь Киреев, Алессандро Салаконе от имени Общины Святого Эгидия, члены Попечительского совета, выпускники, студенты и члены Преображенского братства.

С актовой лекцией «Исторические этапы и литературные формы диалога церкви и светской куль-

туры в России в XIX–XX веках» выступила старший преподаватель кафедры церковно-исторических дисциплин СФИ кандидат филологических наук Юлия Балакшина.

Софья Андросенко

Фото: Александр Волков, Олег Свечников

Юлия Балакшина

Из отчёта проректора СФИ Дмитрия Гасака о работе Свято-Филаретовского православно-христианского института

В течение 2013/14 учебного года Институт успешно прошёл плановую лицензионную проверку Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, собственно лицензирование образовательной деятельности, в результате чего получил бессрочную лицензию на право образовательной деятельности, а также процедуру государственной аккредитации, во время которой представители комиссии Рособнадзора по аккредитации проверяли соответствие образовательной деятельности, осуществляемой Свято-Филаретовским институтом, необходи-

мым требованиям. Более того, члены комиссии (сотрудники Рособнадзора и эксперты) отмечали высокий профессионализм наших сотрудников, в частности, руководителя Учебно-методического объединения Л.Ю. Мусиной.

Здесь же необходимо отметить и успешное прохождение институтом мониторинга эффективности образовательной деятельности, который для многих, особенно негосударственных и гуманитарных, вузов нашей страны явился камнем преткновения: с начала учебного года лишились лицензии или возможности осуществлять набор абитуриентов около 100 российских вузов.

...По-прежнему в институте работают два факультета, богословский и религиозноведческий, а также Богословский колледж.

Мы традиционно стараемся уделять внимание содержанию и качеству образования, методике преподавания, особенно в части написания письменных работ и подготовки научного текста. В прошлом году начал свою работу, а в этом её продолжает постоянно действующий межфакультетный семинар научных руководителей. На семинаре идет практическая

работа по выработке единых требований к итоговым письменным работам по разным дисциплинам. Эти требования прописаны в соответствующих нормативных актах института, но на семинаре в каком-то смысле осуществляется выработка «устного предания», важнейшего элемента для становления любой школы. Благодаря небольшим размерам нашего института мы имеем возможность обсуждать научное руководство буквально каждой выпускной квалификационной работы.

Приоритетными научными направлениями исследований для нас по-прежнему остаются православная экклезиология, христианская антропология, катехетика и вопросы современной катехизации, история общин и братств в Церкви, а также собрание и изучение опыта новомучеников и исповедников Российских.

Помимо соответствия знаний выпускников образовательному стандарту направления «Теология», «внутренний» стандарт требований к выпускнику богословского факультета предусматривает подготовку студентов к служению Богу и Церкви, готовность послужить Церкви там и тогда, где в настоящее

время и в современных условиях есть наибольшая нужда – в области христианской миссии и свидетельства, в возрождении полноценной катехизации и устройства церковной жизни на евангельских началах. И в этой области стараются трудиться как члены профессорско-преподавательской корпорации, так и студенты, и выпускники богословского факультета. В частности, на сегодняшний день 15 представителей профессорско-преподавательской корпорации и 20 человек из числа студентов и выпускников бакалавриата и ДПО успешно сдали катехизаторский минимум и являются действующими катехизаторами. Они проводят полное оглашение групп взрослых оглашаемых в Москве и других городах России, ближнего и дальнего зарубежья. Студенты также участвуют в качестве помощников в катехизации взрослых, в том числе и на приходах, заняты в оглашении детей, молодёжи и подростков (включая детей и молодёжь с ограниченными возможностями). Студенты также участвуют в миссионерских проектах (поездки, книжные выставки, экскурсии, «гостиницы» и т. д.), не оставляют заботу о личной миссии и христианском свидетельстве.

Заключительное слово ректора СФИ священника Георгия Кочеткова

Священник Георгий Кочетков и ведущая Актного дня, руководитель учебно-методического отдела СФИ Лариса Мусина

Годы бегут, и после 25-летия Института становится всё яснее, что наша ответственность возрастает. Чем старше

учебное заведение, тем меньше ему «списываются» всякого рода недостатки или ошибки на пути. Поэтому мы с вами должны быть очень внимательными и ответственными. И главное, по-моему, нам нужно всем помнить, что духовное образование – это духовный дар, который мы должны, как талант, умножить. Это дар, который отчасти ещё и наш долг перед Церковью, перед Богом. Поэтому действительно важно не терять времени.

Если Господь благословит, мы будем идти дальше, мы будем развивать свою деятельность, потому что нужда в духовном просвещении в нашем народе огромна. И сколько бы людей ни трудилось на этой ниве, всё равно ещё многие-многие годы этих трудов будет недостаточно. Они нужны на всех уровнях: от миссионерских или катехизационных усилий до самых утончённых высших диалогов, необходимых для разрешения непростых современных проблем духовной и всех других сторон нашей жизни.

Самое же главное, я думаю, надо взирать на Христа и своё служение совершать, не боясь трудностей, какими бы они ни были, изнутри или извне.

Я, конечно, всегда очень радуюсь, когда вижу, что наши профессора и студенты на разных конференциях, везде, где им приходится выступать или что-то делать, не постыжаются именем института святого Филарета. Мне очень было радостно в этом году, что в скорбный для нашей страны день 30 октября, когда поминаются по всей стране жертвы советских репрессий, наших студентов не надо было ни о чём просить, они сами шли и с молитвой читали имена погибших на площадях многих и многих городов в нашей стране, и не только в нашей стране. И когда нужно идти помогать немощным, больным, детям, старикам, они тоже, несмотря на все свои перегрузки, это делают с удовольствием и радостью. Меня больше всего радует именно вот этот добровольческий

запал, который существует у студентов и преподавателей, когда мы стараемся искать не своего, а Божеского, ради любви к Богу и ближним. И дай Бог, чтобы это никогда не было потеряно, дай Бог, чтобы это всегда вдохновляло нас, расширяло наши сердца, чтобы никому в них не было тесно.

Без духовного просвещения возрождение церкви невозможно, возрождение нашего народа тем более. И поэтому мне хочется, чтобы все вопросы, все сомнения относительно того, зачем нам нужна такая сложная система образования, зачем нужны такие колоссальные вложения времени, сил и средств, получали быстрые и адекватные разрешения.

Вот этого я хочу пожелать всем вам, дорогие братья и сёстры, дорогие отцы. Я хочу ещё раз всех вас поблагодарить за участие в нашем вечере. И надеюсь, что предстоящий год будет благодатным, радостным, плодотворным. Прошу не забывать об этом в ваших молитвах.

Культура должна и может быть спасена в вечности

Фрагменты актовой речи Юлии Балакшиной «Исторические этапы и литературные формы диалога церкви и светской культуры в России в XIX–XX вв.»

«...» На суд слушателей мне хотелось бы вынести ту периодизацию процесса диалога светской культуры и церкви, которая родилась в результате произведённых наблюдений, оставляя в стороне анализ конкретных текстов, появившихся в результате названного диалога.

Первый этап

Ключевой фигурой первого этапа диалога церкви и светской культуры в России является Н.В. Гоголь. По мнению прот. Василия Зеньковского, именно для него тема отношений Церкви и светской культуры впервые стала центральной.

Сразу отметим, что инициатива диалога исходила от представителя лагеря светской культуры и достаточно долгое время не находила отклика со стороны церкви. Хотя митр. Филарет (Дроздов) и мог позволить себе вступить в поэтический диалог с Пушкиным, но он же называл романы «повестями страстей» и говорил о чтении их так: «Не касайся огня – обожжётся, не касайся смолы – очернишься»¹.

В духовных журналах первой половины XIX века постоянно публиковались статьи, призванные предупредить читателей от пагубного влияния светской литературы, уводящей их от задачи спасения души.

«...» К осознанию необходимости преодолевать возникшее взаимное недоверие Гоголя привела внутренняя логика его жизни, путь его творческих и личностных поисков. «...» Характерно, что сам Гоголь переход от поэзии к прозе, в которую входит «нагнанный растрёпанная действительность» (Н.В. Гоголь), воспринял как своего рода грехопадение². Мир, лишенный гармонии, находящийся под властью демонических сил, ставший предметом изображения в творчестве Гоголя, по мнению писателя, требовал исцеления.

Долгое время Гоголь полагал, что само искусство обладает столь мощным потенциалом, что способно обратить человеческие сердца к покаянию (ср. Александр Иванов). Известно, что он пережил глубокое разочарование и длительный внутренний кризис после театральной постановки его комедии «Ревизор» не потому, что пьеса не имела успеха, а потому, что она не привела к ожидаемым последствиям. Немая сцена была задумана как напоминание о страшном суде, который ожидает не только тех, кто на сцене, но и тех, кто в зрительном зале. Зрители смеялись, но отнюдь не переживали благоговейного трепета.

Крушение эстетической утопии закономерно привело писателя к поиску путей исцеления и преобразования мира в Церкви. Гоголь покидает Россию, обращается внутрь самого себя, занимается устройством собственной души, активно читает церковную литературу. Первой попыткой явить плоды внутреннего диалога и пригласить современников к совместному размышлению о ценности и возможностях общения церкви и культуры стала для Гоголя книга «Выбранные места из переписки с друзьями». В главе «О театре» Гоголь отводит светской культуре скромное место «ступени на пути ко Христу» для тех, «кто далеко от

небесных истин христианства». Однако сама попытка светского человека, писателя рассуждать на церковные темы, а порой и учить, духовно наставлять своих современников была воспринята крайне негативно.

«...» Среди немногих позитивных откликов представителей духовенства на книгу Гоголя следует назвать письма архим. Феодора (Бухарева), который считал, что Гоголь находится среди тех, кто стремился к «благословенному берегу истины», но «к которому в нравственном его одиночестве трудно было ему благоуспешно пристать и прикрепиться»³.

Однако нам представляется, что главные открытия Гоголя в области поиска оснований для диалога церкви и светской культуры были совершены не в рамках публицистически-проповеднического дискурса, а в его небольшом исповедальном тексте «Авторская исповедь». «...» В «Авторской исповеди» нашли отражения основные антиномии, характерные для самосознания Гоголя эпохи 1840-х годов и связанные с попыткой примирить в собственном внутреннем мире традиции церкви и светской культуры: смирение и благородство, просвещение европейское и православно-русское, призвание писательское и человеческое, свободу воли и Божий промысел.

«...» Внутренняя динамика «Авторской исповеди», колеблющаяся от самообвинения к самооправданию, творческая история текста, включающая момент отказа Гоголя от публикации почти завершённого сочинения, история рукописи, уцелевшей от сожжения, вероятно, не без воли писателя, свидетельствует о том, что в жизни и творчестве Гоголя не был достигнут синтез, как не был и совершён окончательный выбор между двумя этическими моделями. «...»

Второй этап

На рубеже XIX–XX веков диалог светской культуры и церкви вступает во вторую стадию своего развития. Наступление нового этапа исследуемого процесса знаменуется в первую очередь изменением субъектов диалога. Если одиночная инициатива Гоголя была подхвачена только некоторыми русскими писателями, которые в своём творчестве искали художественные средства для выражения религиозного опыта личности, развивали «поэтику трансцендентного», формировали новую образность, возникающую на границе эстетического и религиозного, то в конце XIX века как внутри церкви, так и среди образованного общества сформировались целые группы деятелей, активно продвигавших идею необходимости диалога и искавших путей его практического осуществления.

Вопрос об объединении представителей церкви и образованной части русского общества был осознан как «самый важный из современных русских вопросов» (свят. Сергей Четвериков), как «великий и роковой вопрос, который ставится теперь перед историей» (С.Н. Булгаков). От его решения зависела, по мнению современников, и будущая судьба России, к началу XX века практически утратившей своё национальное единство из-за векового разрыва между

народом и образованным сословием; и будущая судьба христианства, которое потеряло способность отвечать на запросы современного человека. Отношения между Церковью и светской культурой, осознанные как проблема социальная и историческая, развивались на этом этапе не столько по инициативе отдельных личностей, сколько внутри разного рода кружков, групп и других объединений, наличие которых было отличительной особенностью эпохи Серебряного века.

«...» Если на первом этапе диалог церкви и светской культуры уходил внутрь творческого процесса, что отнюдь не всегда осознавалось и рецептировалось церковной стороной (так, например, творчество Достоевского было принято церковью только в 1890-е годы, а религиозный смысл исканий Толстого оказался полностью заслонён его антицерковными высказываниями), то в начале XX века этот диалог стал активно развиваться в публичном общественном пространстве, при поощрении со стороны высшей церковной иерархии и при участии представителей православного духовенства.

«...» В церковно-общественных дискуссиях рубежа веков были обнаружены и описаны основные точки расхождения между установками, выработанными гуманистической новоевропейской культурой, и теми аспектами церковной традиции, которые оказались доминирующими в синодальный период существования русской церкви. Основными темами, вокруг которых велась дискуссия, стали способы познания, отношение к ценности земной жизни, вопросы христианской общественности, антропологическая и экклезиологическая проблематика. В трудах архим. Феодора (Бухарева), проф. прот. П.Я. Светлова, Н.А. Бердяева были предложены богословские и религиозно-философские основания для диалога церкви и светской культуры.

Одно из возможных богословских разрешений векового вопроса о взаимном отношении плоти и духа, христианства и мира с его обывательной жизнью и культурой было предложено ещё в середине XIX века в трудах архим. Феодора (А.М. Бухарева). «...» Согласно логике Бухарева, Христос принял в Себе Я и разум человеческий, и творческую фантазию, и все душевные способности и, вознесшись на небо, уже во веки не отречётся от них. Спаситель, взяв на Себя «вины всех человеческих грехов»⁴, искупил, в том числе, и грехи человеческой мысли, фантазии, сердца. Поэтому культура, как плод этих человеческих способностей, должна и может быть спасена в вечности через очищение или «возглавление» её во Христе. По точному выражению прот. Василия Зеньковского, у Бухарева «всеобъемлющая сила искупительного подвига Спасителя и есть основа для «богословия» культуры – не для простого «оправдания» её, а для её выпрямления во Христе»⁵. Задача спасения культуры, её очищения и преобразования уподоблена Бухаревым «сошествию во ад». Это и дело личного подвига каждого христианина; и особая забота тех, кто утвердился в свете Христовой истины. «...»

Третий этап

Третий этап диалога светской культуры и церкви в России оказался связан с теми уникальными церковно-культурными условиями, в которые были поставлены представители первой волны русской эмиграции. Если в советской России диалог, активно развивавшийся на рубеже XIX–XX веков, вскоре после 1917 года был практически прерван в силу того, что оба субъекта диалога оказались лишены возможности свободного самостоятельного развития, то представители церкви и культурной элиты, вынужденные покинуть Россию, наоборот, не только получили возможность для полноценного общения, но и разделили общую судьбу и осознали общую миссию: «Хранить «светоч русской культуры» и православия, попираемый на родине, заниматься творчеством духовным и культурным в условиях свободы»⁶.

«...» В результате целенаправленных усилий, воплотившихся в деятельности, в первую очередь, Русского студенческого христианского движения, в русской эмиграции выросло поколение священников, которые органично усвоили наследие европейской и русской культуры, и сформировалось поколение церковной интеллигенции, противопоставившей «безрелигиозному гуманизму», «верность Христу, жизнь в Церкви, преобразование личной и исторической жизни по заветам Христа»⁷. В идейных поисках и жизненной практике первой волны русской эмиграции были преодолены многие препятствия, разделявшие представителей церкви и светской культуры в ситуации рубежа XIX–XX веков; сформировались новые основания церковно-культурного диалога, связанные с евхаристической экклезиологией и личностной антропологией; наметились пути глубинного выстраивания этого диалога на языковом уровне. В результате активного и плодотворного сближения двух творческих принципов сформировалась целая плеяда деятелей церкви и культуры, которые в разных сферах явили плоды церковно-культурного диалога.

¹ Цит. по: Александр, иеромонах. О литературной провиди священника о. Григория Петрова (По поводу книги «Зерна добра») // Миссионерское обозрение. 1903, март. № 6. С. 761.

² См. об этом: Бочаров С.Г. Холод, стыд и свобода: История литературы sub specie Священной истории // Он же. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.

³ Феодор (Бухарев), архим. Из книги «Три письма к Н.В. Гоголю, написанные в 1848 году // Последняя книга Н.В. Гоголя: Сборник статей и материалов. М.: Русский путь, 2010. С. 126.

⁴ Феодор (Бухарев), архим. О православии в отношении к современности. СПб.: Синодальная типография, 1906. С. 69.

⁵ Зеньковский Василий, прот. Проблемы культуры в русском богословии // Вестник РСХД. 1953. № 26. С. 9.

⁶ Струве Н.А. Изгнание и послание // Новая газета. 2013, 15 июля. № 76.

⁷ От редакции. О русской интеллигенции // Вестник РСХД. 1955. № 38. С. 1.

М.П. Клодт. Н.В. Гоголь сжигает рукопись второго тома «Мёртвых душ».

Из дискуссии

Священник Георгий Кочетков: Я хотел бы отреагировать на доклад Юлии Валентиновны; хотя у нас сегодня жанр совсем другой, но мне кажется, что это нужно сделать. Мне кажется важным добавить, что, во-первых, в XX веке процессы диалога церкви и культуры шли очень противоречиво – вспомним хотя бы разное отношение к этому вопросу у Георгия Петровича Федотова и у того же Николая Александровича Бердяева. Во-вторых, нельзя забывать, что мы живём в эпоху, которую принято сейчас называть эпохой смерти искусства и в каком-то смысле смерти культуры. Сейчас вообще всё как-то умирает, может быть, для того, чтобы воскреснуть, а может быть, для того, чтобы умереть навсегда. И с этим разобраться очень непросто, особенно в том контексте, о котором мы сейчас слышали, не просто культурно-церковном.

На самом деле за тем, что говорила Юлия Валентиновна, стоят вещи наиболее глубокие, наиболее серьёз-

ные, абсолютно необходимые для всякого православного христианина, особенно человека, стремящегося что-то сделать ради Христа и действительно разрешить те страшнейшие противоречия, в которых сейчас запутались современные люди, как нецерковные, так часто и церковные.

Святейший патриарх ставит задачу всё время миссионерствовать. Но чтобы миссионерствовать, надо сначала решить эти проблемы. Если мы их не решим, никакая миссия не будет существовать всерьёз. Это будет только некая «бумажная миссия», существующая лишь в отчётах.

Но дело даже не в этом, а в том, что мы сами для себя, внутри, должны решить эти проблемы. И когда культура умерла (а она спокойно себе почла несколько десятилетий назад), нужно искать совсем новый язык, нужно искать новые образы, нужно искать новые вдохновения, нужно искать новые основания для новых форм

жизни. Мы можем только надеяться на то, что церковь это когда-нибудь сделает, и что она, может быть, даже начнёт это делать очень быстро. И очень хотелось бы, чтобы так было, поскольку промедление, как известно, подобно бывает новой кончине.

Хотел бы ещё раз поблагодарить Юлию Валентиновну за замечательный доклад, который мы сейчас слышали. Но вот эти моменты всё-таки, мне кажется, важно не упустить в каких-то конечных вариантах Вашего исследования. Они требуют разработки, конечно, потому что здесь просто много открытых вопросов, тех, которые на самом деле пока ответа не имеют. Сложность ситуации в большой степени объясняется этим, и эти ответы ещё надо искать. Это требует не просто внутреннего внимания к этим вопросам, а именно духовного подвига, и в каком-то смысле предполагает новую аскетику, о которой, в частности, писала мать Мария (Скобцова).

Развенчивая мифы

Об обновлении и обновленчестве

Как отмечалось на презентации, концептуальное значение книги в том, что она опровергает ставшее расхожим представление о том, что группа «32-х» являлась предтечей обновленчества. В монографии приводится материал, показывающий, что ни о чём подобном говорить не приходится. И дело не в том, что ни один член Братства ревнителей обновления не перешёл позднее в обновленческую церковь. А в том, что в группе «32-х» совершенно не была присуща основная отличительная черта будущего обновленчества – беспредельный сервилизм. Наоборот, группа «32-х» пыталась вывести церковь из зависимости от государства, сделать её самостоятельной, восстановить соборность и общинность.

«Выход в свет книги Юлии Валентиновны является событием в жизни церковно-исторического сообщества, событием замечательным, поскольку значение этой книги ещё предстоит оценить. Группа «32-х» – живые люди, которые болели за свою церковь, стремились изменить её положение в обществе, ответить на актуальные вопросы современников, – сказал священник Илья Соловьёв. – Существует некий страх перед самим словом и понятием «обновление», несмотря на то, что на каждой литургии священник призывает Святой Дух, чтобы Он обновил нас... Одна из причин возникновения этого страха – историческая: есть такое явление, возникшее после революции 1917 г., правильно оно называется «советское обновленчество». Такого рода обновленцы старались всеми силами восстановить симфонию между властью

Выступает протоиерей Георгий Митрофанов

и церковь, идя на действительно предосудительные поступки».

«Нельзя, на мой взгляд, путать обновление и обновленчество. То, что мы называем «обновленчеством», – это самый первый советский проект, который описывает ту ситуацию сервилизма, предательства, – продолжил мысль о. Илья свящ. Георгий Кочетков. – «Обновление» же всегда мыслилось как обновление Духом Святым.

То, что мы боимся этого слова сейчас, – неудивительно, имел место некий исторический подлог, когда обновленчество пытались распространить на тот процесс обновления, который как-то нащупывался в начале XX века. Из-за этого подлога отрицались решения Поместного собора 1917–1918 гг., всё, что с этим было связано, – весь тот опыт, что был накоплен святыми новомучениками, – и поэтому их опыт с таким колоссальным трудом прививается в современной церковной жизни.

То, что Юлия Валентиновна в своей монографии развенчала миф, по существу доказала, что нет никакой генетической связи между группой «32-х» и обновленчеством, – принципиально. Это очень важно, потому что мы можем смело себя причислять к людям, вдохновляющимся этим наследием, наследием старой, ещё синодальной, ещё имперской России... Мы даже должны чувствовать себя наследниками тех великих людей», – подчеркнул о. Георгий.

Неравнодушно, но беспристрастно

По словам прот. Георгия Митрофанова, Юлия Балакшина написала удивительно добротную книгу, с установкой на постижение личности, яркую, обаятельную: «Перед нами очень убедительная историческая картина попыток Санкт-Петербургского духовенства принять деятельное участие в преображении церкви. И Юлия Валентиновна, не пытаясь идеализировать митрополита Антония (Вадковского), даёт нам понять, насколько трудно было не только для священников, но и для митрополитов вступить на этот путь. Для самой Юлии Валентиновны славянофильская парадигма участников группы «32-х» представляется убедительной, но важно, что она не стала педальировать эту тему и дала возможность остальным признать эту книгу в высшей степени объективной. И в современной научной литературе это редкий пример произведения, в котором не автор заявляет о себе, а являет предмет своего исследования неравнодушно, но беспристрастно, а значит – объективно».

Историк Константин Обозный указал, что выход монографии имеет большое значение для науки: о группе «32-х» так или иначе все историки знали и писали, но ранее это всегда была скудная поверхностная информация: «Юлия Валентиновна сделала настоящее церковное открытие – высветила лики этих во многом незаурядных людей... Часто группу «32-х» обвиняли в том, что они дали ход будущему обновленчеству, выпустили джинна из бутылки, однако автор чётко показывает, что тема обновления жизни церкви была воспринята прогрессивным Санкт-Петербургским духовенством от славянофилов – тех, кого невозможно было заподозрить в разрушении традиций православия и русской культуры».

В свою очередь похвальную оценку изданию дала Елена Белякова, старший научный сотрудник института РАН: «Книга удивительно объективна, нет предвзятой попытки повесить ярлыки, дать собственные оценки, есть в первую очередь попытка разобраться с тем, что было, показать исторический момент».

***

Ведущий презентации Дмитрий Гасак, проректор СФИ и председатель Преображенского братства, подчеркнул, что для СФИ было особенно важно издать книгу, посвящённую Братству ревнителей церковного обновления, т. к. кафедра Церковно-исторических дисциплин СФИ уделяет отдельное внимание опыту новомучеников и исповедников Российских и опыту движения за церковное обновление. «Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников)...» – первая монография из серии книг, которые созданы на базе исследовательских работ выпускников СФИ и готовятся к публикации в издательстве института.

Издание можно приобрести в интернет-магазине «Предание» и в книжном киоске СФИ (Покровка, 29).

Информационная служба Преображенского братства
Дарья Макеева

Сайт Преображенского братства <http://psmb.ru>
Фото: Николай Токарев

Мы обратились к некоторым из участников презентации с вопросом: «Есть ли мифологемы, которые Вас особенно удручают или, на Ваш взгляд, больше всего мешают возрождению церкви сегодня?»

Священник Илья Соловьёв, директор Общества любителей церковной истории: Я думаю, все мифологемы, которые существуют в Церкви, нехороши сами по себе. К ним можно отнести, например, то, о чём говорил о. Александр Шмеман, а именно о чрезвычайной опасности для православного сознания символов, утративших своё символическое значение.

Примеров этого много даже на церковно-бытовом уровне. Например, кутья. Для чего она используется? Никто почти не знает, каково было её изначальное назначение. В ведь это был акт милосердия. Варилась семена с какими-то сладостями, и это давали всякому человеку нуждающемуся, голодному, бедному, или больному, или даже опустившемуся по тем или иным причинам, «деклассированному» человеку. Давалось для того, чтобы насытить его голод, чтобы хоть как-то утешить его и облегчить его жизнь. А сейчас само по себе употребление кутьи родственниками имеет самодовлеющее «поминальное» значение: «А как это есть надо? А без неё нельзя? Кому можно (нужно) её есть и натощак ли? Можно ли её закусывать водку? Только ли родственникам и в каком количестве её употреблять?» Вот какие вопросы «ритуального» характера чаще всего приходится слышать. Перед нами символ, потерявший своё содержание, и такие символы толкают нас в обрядоверие, которое чуждо христианству.

Утерявший своё значение и смысл символ вреден, как и всякая мифологема, по моему мнению, вредна и опасна для церковного сознания.

Константин Обозный, зав. кафедрой Церковно-исторических дисциплин СФИ: Всё-таки таких мифологем несколько, и трудно выделить, какая из них самая «вредная». Для того чтобы здесь высветить самое главное, нужно иметь не только аналитический ум, но и почти пророческий дар.

Если же говорить о моём личном впечатлении, то сейчас, наверное, самая трудная для преодоления мифологема – это представление о том, что буквально всё в церковной жизни направляли и направляют епископы и их окружение. А миряне – да и клирики тоже, по большому счёту, – могут быть только послушными исполнителями. С одной стороны, когда люди постоянно задаются вопросами: «Как же мы можем что-то делать без благословения? И как же мы можем делать что-то без какого-то согласования?» – это хорошо, так как есть церковная дисциплина и послушание. Но если люди не чувствуют, что на некоторые вещи, такие, например, как свидетельство или стремление к общинности, есть благословение от Самого Христа в Евангелии, и на это просят благословения, то получается, что человеческое свидетельство для них важнее, чем воля Божия и слово Божие. В результате умалывается соборность, и члены церкви – иерархия, клир и миряне – теряют способность действовать совместно церковно и свободно. Я вспоминаю о. Павла Адельгейма¹. Он много об этом говорил. Да и всё его служение, связанное и с Уставом, и с его книгами, и с его курсом по церковному праву, было направлено на преодоление этого перекоса.

Иван Петров, сотрудник Института истории СПбГУ:

Наверное, тут несколько узловых моментов. Во-первых, много раз обсуждаемая декларация 1927 года и вопросы её вынужденности и пагубного (или, наоборот, положительного) влияния на историю православной церкви. Я не узкий специалист, поэтому об этом не буду говорить подробно.

Вторая мифологема (это гораздо более близкий мне вопрос) связана с деятельностью митрополита (впоследствии патриарха) Сергия (Страгородского) в годы Второй мировой войны. Начиная с 1939–1940 годов происходило вхождение новых приходов в состав Русской православной церкви², и порой это делалось, насколько мне известно, путями неправедными. Во многих приходах у верующих не было добровольного желания вернуться в состав РПЦ. Часть приходов, настроенных советско-патриотически, действительно этого хотела,

но далеко не все. А у нас существует традиция, в том числе историческая, считать, что добровольное возвращение было поголовным явлением, что только некоторые иерархии выступали против этого. Во многом это большая мифологема, придуманная нашей отечественной историографией. То же самое можно сказать и по поводу оценки положения церкви во время войны и немецкой оккупации. Здесь до сих пор много лакун. На какие-то вопросы, связанные с этим периодом, я нашёл для себя ответ, на какие-то – нет. Есть такие до сих пор неизвестные области, как, например, жизнь церкви на оккупированных территориях на Брянщине, знаменитая Православная миссия Румынской церкви в Транснистрии. Если деятельность Псковской миссии хоть как-то известна, то здесь известны прежде всего многочисленные мифы со стороны различных ультраправых течений в церкви, в чём-то очень резко антикоммунистических, во многом антисемитских.

Ещё один очень обсуждаемый, дискуссионный вопрос – всё ли сделал патриарх Сергий и его окружение для наибольшего возрождения церковной жизни на подсоветской территории в годы войны? Мог бы он сделать больше? Сейчас, к сожалению, этот вопрос ещё не имеет такой остроты, которую, как мне кажется, он должен иметь, особенно в преддверии семидесятилетия победы, которое будет в следующем году.

И последний узловый момент – это переход нашей церковной истории от XX века к новейшему периоду, под которым я понимаю период после 1991 года. Мифологем здесь нет, но нет и какой-то важной исторической дискуссии, а хочется, чтобы она началась. Уже пора.

Беседовала Анастасия Наконечная

¹ К.П. Обозный – один из членов приходского совета храма Св. Жён-мироносиц, единомышленников о. Павла Адельгейма, изгнанных из совета в 2011 году.

² О количестве приходов, вошедших в состав Русской православной церкви после присоединения к территории СССР Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики, нет точных данных. По данным М.В. Шкаровского, это было более 3 тысяч приходов. В результате в 1941 году в Русской православной церкви (на всей территории СССР) насчитывалось 3732 храма (данные приводятся по: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 429–431). По данным игом. Дамаскина (Орловского), после 1938 года в советской России осталось всего 1277 храмов и ещё 1744 храма оказались на территории Советского Союза после присоединения к нему западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики. (Для сравнения: в 1917 году, по данным М.В. Шкаровского, в Русской церкви было 78767 храмов и часовен).

Что такое встреча с Богом

На вопросы Открытых (миссионерских) встреч отвечает священник Георгий Кочетков

Филипп приводит ко Христу Нафанаила (Ин 1:45). Сербия, Дечаны. XIV в.

Можно ли сказать, что для христианина не важен результат действия его любви? Например, если соседи по коммуналке делают тебе постоянно гадости, а ты воспылаешь к ним настоящей любовью, тогда тебе будет неважно, как они будут реагировать на твою любовь?

Это, конечно, немного провокационный вопрос. Если соседи постоянно делают тебе гадости, это говорит о том, что любви-то у них нет и не предвидится, и что нужно принимать какие-то меры, может быть, написать куда-нибудь жалобу – с любовью, конечно. Понятно, что всё это надо делать с любовью. С другой стороны, любовь всегда бескорыстна, она не может быть утилитарна, она не может существовать в поле житейской полезности. Правда, смотря какая любовь. Но если это любовь христианская, любовь благодатная, то она действительно не думает о своей пользе, «не ищет своего». Это уже раз и навсегда сказано было апостолом Павлом.

Так что, конечно, как говорится, молись, а к берегу гребись. Люби соседа, который делает тебе постоянные гадости, но всё-таки не теряй меру и не теряй трезвеного чувства того, что иногда можно что-то и подправить, какие-то простые вещи этического свойства поставить на свои места, чтобы он не злоупотреблял твоей любовью. Другое дело, повторю, что любовь есть любовь, она не будет здесь слишком усердствовать, не будет слишком уж думать о себе, и будет желать пользы ближнего больше, чем своей пользы. И поможет «прикрутить» свои эмоции – раздражение, или обиды, или тем более озлобление. Это правильно, так христианину надо поступать всегда. Но нужно и внешний порядок наводить, и внутреннюю любовь не терять. Вот соотношение того и другого – вещь сложная, баланс того и другого находится обычно не сразу, тут надо над собой поработать.

И вообще – полезна ли для человека настоящая любовь? Не избалуется ли она его?

Только что я уже говорил, что любовь не может рассматриваться в категориях полезности. Иначе это не любовь, а что-то другое. Иногда бывают люди очень ласковые, очень приветливые внешне; они поступают по принципу «ласковый телёнок двух маток сосёт». Но это не разговор о любви, это разговор о хитрости человеческой. Ведь любовь – если не рассматривать её с утилитарных позиций, но и не считать, что это одни сантименты, – требовательна. И если помнить об этой требовательности, то любовь принесёт добрый и многий плод.

Можно ли говорить, что ситуации выбора, в которые попадают люди, сами по себе нейтральны, а то, что в результате происходит что-то доброе или злое, зависит от того, какой выбор сделал человек?

Ну почему это вдруг? Ситуация – это обстоятельства. Обстоятельства могут быть плохими, а могут быть хоро-

Портрет Ф.М. Достоевского. Рисунок И. Крамского. 1882 г.

«Мы будем со Христом»

*Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.*

Максимilian Волошин
(Стихотворение написано в январе 1922 года,
через несколько месяцев после смерти Александра
Блока и гибели Николая Гумилёва.)

*Я вольнодумец в том же смысле, в котором
может быть назван вольнодумцем и каждый человек,
который в глубине сердца своего чувствует
себя вправе быть гражданином, чувствует
себя в праве желать добра своему отечеству,
потому что находит в сердце своём и любовь
к отечеству и сознание, что никогда ничем не
повредил ему.*

Из ответов Достоевского на первом допросе

22 декабря 1849 года из Петропавловской крепости после 8 месяцев заключения двадцать членов антиправительственного кружка Михаила Петрашевского были привезены на петербургский Семёновский плац, где им был оглашён смертный приговор. Среди приговорённых ожидал смертной казни и Фёдор Достоевский, инженер-поручик, начинающий, но уже известный писатель. В приговоре о Достоевском говорилось: «Военный суд приговорил его... за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, – лишиться... чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием».

Продолжение на с. 3

Продолжение на с. 2

Что такое встреча с Богом

Начало на с. 1

шими. Поэтому я не могу согласиться с такой постановкой вопроса, ведь ситуация совсем не нейтральна. Так что надо, конечно, как-то думать, в какую ситуацию ты попадаешь. И если тебе нужно выбирать между двух зол – это одна ситуация, если тебе нужно выбирать между добром и злом – это вторая ситуация, если между добром и добром – это третья ситуация, если между любовью и злом или любовью и добром – это ещё что-то новое. Надо учитывать, что обстоятельства имеют очень большое значение, они совсем не нейтральны.

Как совместить знание о первобытном примитивном человеке и рассказ об Адаме и Еве, которых называют венцом творения? Слишком уж первобытный человек не похож на этих светлых райских жителей.

Я не знаю, что тут имеется в виду под первобытным человеком. Может быть, какое-нибудь человекообразное существо, которое жило сотни тысяч лет назад, и которое, в общем-то, с точки зрения христианской, назвать человеком ещё нельзя. Хотя внешне высокоорганизованное существо вполне могло существовать, но «в ноздрах его» не было дыхания Духа Божьего. Всё-таки мы ценим в человеке, прежде всего, проявление живого образа и подобия Божьего. Поэтому мы не думаем, что первобытный человек – это вообще какой-то некий древний человек, у которого есть все те же органы, что и у современного человека. Мы, конечно, понимаем, когда читаем рассказ об Адаме и Еве, что мы говорим об отношениях человека с Богом, о тех потенциалах, которые вложены в человеческое существо, в человеческий дух. И вообще мы воспринимаем человека именно как духовное существо, обращённое к Богу, обретающее смысл своего существования только пред лицом Божиим, только в общении с Богом и ближними, только в этой возможности проявить свою богоподобность и своё уподобление Богу. Вот в чём суть. Поэтому в вопросе речь идёт, может быть, совершенно о разных явлениях.

Почему обычно священник на приходе не уделяет достаточно времени личному общению с людьми?

Ну, во-первых, если речь о старых священниках, то потому, что в советское время их не учили общаться с людьми. Более того, запрещали

всякое общение, это считалось почти что преступлением. Таких священников снимали с прихода и отправляли, как говорится, «в Воловьё Лужки». И священники разучились общаться. Кроме того, они исторически немного превратились в определённую касту, поэтому довольно часто не очень хорошо понимают других людей. Так что, к сожалению, иногда им трудно общаться. Общение – это тоже искусство, это определённое дерзновение, смелость, это умение брать на себя чужие трудные обстоятельства, а то и согрешения. Это всё непростые вещи. И нельзя священника требовать готовности к общению в любую секунду. Никто с себя же не требует такого. Мы можем воспринимать это как идеал, как свою цель, к которой мы стремимся, но механически требовать этого нельзя. А приход, к сожалению, часто ещё и загружает священников очень многими второстепенными вещами. Есть очень много деталей, которые, может быть, уже отжили свой век. Но у священника не всегда хватает разума или смелости от этих деталей, от этой бесчисленной мелочёвки освободиться, чтобы у него просто были силы и время для общения. Так что здесь может быть много причин. Ну и наконец, многое зависит от того, кто жаждет этого общения. Иногда люди на себя не смотрят, а ведь бывает, они сами виноваты в том, что никак общения не получается.

Как понять, что тот духовный опыт, который тебе предлагается, истинный?

Ну, что значит «духовный опыт предлагается»? Опыт – это обычно довольно личное понятие. Он не предлагается. С ним можно познакомиться, им можно постараться поделиться. Но это всё-таки не товар какой-то, «хочешь – бери, хочешь – не бери». Истинность же опыта определяется по духу и по плодам. Но чтобы знать, как оценивать эти вещи, надо иметь этот дух истинны в себе. И плоды надо уметь оценивать – какие плоды от Бога, какие нет. А это уже тоже требует в свою очередь духовного опыта от человека, воспринимающего чужой опыт. Так что это вообще всегда большая проблема, людям никогда не было просто разбираться с чужим опытом. В то же время надо быть открытым к опыту других людей, надо иметь определённое доверие к нему. Но проверять нужно обязательно, исследовать духов – от Бога ли они – нужно обязательно.

На вопросы Открытых (миссионерских) встреч отвечает священник Георгий Кочетков

Что делать, если тебе кажется, что всё хорошо, всё устраивает и нет желания чего-либо искать?

Это говорит о том, что человек равнодушен, что он, скорее всего, обыватель. Его всё устраивает, он житейски обеспечен, и, в общем-то, не столько живёт, сколько прозябает. Надо просто уметь себя оценить, отнестись к себе критически, надо понять, что тебе не хватает любви. Потому что только любовь делает человека неравнодушным к миру, к жизни, к себе, к другим, к Богу. Вот и всё. Надо быть просто трезвенным, и тогда поймёшь, что на самом деле в жизни слишком много зла, слишком много греха, слишком много тёмного, мрачного, слишком много страданий. И поэтому считать, что всё хорошо, может только одномерный, индивидуалистически настроенный и не очень добрый человек.

Что такое встреча с Богом?

Встреча с Богом? Ну, это самый простой вопрос. Что такое встреча? Встреча – это общение. Допустим, люди между собой не общались, и вот они встретились. И возникла возможность общения в любви, в духе, в свободе, в истине, в творчестве...

То же самое встреча с Богом. Человек мог не знать Бога, быть закрытым, не иметь доверия к Богу, к божественному действию, к божественной Любви, и вдруг открываются эти клапаны, открывается сердце, и человек обретает это доверие, обретает этот свет, обретает эту радость. Он чувствует благодарность и подъём сил, он чувствует, что жизнь наполняется смыслом и духом. Вот это и есть встреча. У неё могут быть долгосрочные плоды, а могут быть и краткосрочные – это другой вопрос, это уже зависит от того, кто какие выводы сделает из этой встречи.

Так что это очень просто. Потому что человек так создан: как говорил Теруллиан, «душа по природе христианка», т. е. сердце человека по самому своему устройству «наиболее адекватно» чувствует себя в общении с Богом. А без общения с Богом тоскует человек, ему становится плохо, его начинают разрывать страсти. Без общения с Богом он впадает в уныние, он находится всё время на грани какого-то недостойного существования. И что же, у человека нет элементарного ума, чтобы эти вещи понять? Конечно, есть, или должен быть.

«Мы будем со Христом»

Начало на с. 1

Приговор был оглашён; подошёл с крестом в руке священник в чёрной рясе, переломили шпагу над головой дворян; на всех, кроме Пальма, надели предсмертные рубахи. Петрашевскому, Момбелли и Григорьеву завязали глаза и привязали к столбу. Офицерскомандовал солдатам целиться... Один Кашкин, которому стоявший возле него обер-полицеймейстер Галахов успел шепнуть, что все будут помилованы, знал, что всё это – только церемония; остальные прощались с жизнью и готовились к переходу в другой мир.

По воспоминаниям петрашевца Львова, Достоевский сказал перед казнью Спешневу: «Nous serons avec le Christ» (Мы будем со Христом), на что тот ответил: «Un peu roussiere» (Горсть праха).

...Позднее Достоевский вспоминал: «Приговор смертной казни расстрелянием, прочитанный нам всем предварительно, прочтён был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас... может быть, и раскаивались в иных тяжёлых делах своих... но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись очищающим

мученичеством, за которое нам многое простится!» 24 декабря Достоевский, закованный в кандалы, был отправлен в Тобольск.

После того, как другой русский писатель, Радищев, был отправлен в Илимский острог, прошло немногим больше пятидесяти лет. И чуть больше семидесяти оставалось до того времени, как перед расстрельными командами или в советских лагерях окажутся Николай Гумилёв, Николай Клюев, Осип Мандельштам, Сергей Клычков, Даниил Хармс и многие, многие другие.

Можно с глубокой грустью видеть в этом «неисповедимый рок», можно – общность судьбы. Именно её нашёл Достоевский на каторге. И русская литература XX века физически гибла не сама по себе, но разделяя судьбу уничтожаемого народа.

Есть исследователи, которые до сих пор размышляют на тему: «быть может, в известном смысле и каторга была для Достоевского полезна». Всем авторам этих глубокомысленных размышлений можно посоветовать одно – испробовать на себе рекомендуемое ими лекарство. Да, если бы не события, происшедшие 165 лет назад, мы, возможно, не знали бы того Достоевского, которого знаем сегодня. Но история не знает сослагательного наклонения, и цель не оправдывает средства.

То, о чём размышляют ниже ведущие исследователи творчества Достоевского, отвечая на вопрос о его значении для наших верующих и неверующих современников, можно, пускай в меньшей степени, сказать и о некоторых других писателях. Но есть и то, что всегда будет отличать его: никто больше не переживал смертную казнь.

С.А. Кибальник, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома), профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Российской и Международного общества Достоевского: Достоевский говорил о том, что даже атеист – это не погибший человек. Самый погибший человек – это человек равнодушный, которого ничто не интересует, ничто не волнует. Атеист же – это человек не верящий, следовательно, тот, кто может уверовать. И здесь, может быть, стоит вспомнить, что в своём итоговом романе «Братья Карамазовы» Достоевский показывает пути к вере, и это пути такие глубоко человеческие, и простые, и совсем не эгоистические.

Достоевский очень далёк от примитивной ортодоксальности. Вот что очень дорого. Все знают известную формулу: «Если Бога нет, то всё позволено». Но иногда забывают о том, что это говорил не Достоевский, а Иван Карамазов – герой, который сомневается в существовании Божьем и в бессмертии собственной души, о чём ему проницательно говорит отец Зосима. И поскольку в его сознании (а Иван Карамазов – это герой-интеллектуал) вопрос о вере связан непосредственно с вопросом о нравственности, то он эту мысль развивает постоянно: что если человек не верит в Бога, то никакие нравственные законы для него не существуют. В этом есть очень серьёзный, интересный философский подтекст, потому что мысль о том, что «Бога нет», до Ницше, (который сказал «Бог умер»), выразил – причём гораздо раньше – Людвиг Фейербах. В книге «Сущность религии» он доказывал, что

Бог – это порождение человеческого сознания. Потом был другой философ, Макс Штирнер, который возражал Фейербаху. В сущности, в его книге можно найти мысль Ивана Карамазова, что если Бога нет, то имеет смысл преследовать только свои собственные интересы (а не интересы человечества), потому что человек сам для себя становится богом. «Для меня нет ничего выше меня» – вот основная мысль этой книги, и с этой мыслью Достоевский спорит в «Записках из подполья». Многие его герои – это герои-индивидуалисты, которые терпят крах, встав на эту дорогу. Но, с другой стороны, в их индивидуализме для Достоевского была и очень важная освобождающая сила – идея откровенности, предельной искренности. Такой человек не драпируется ни во что. Ведь большинство людей говорят, что важно общее благо, а при этом преследуют собственные интересы, побуждая других бороться за интересы общественные.

Возвращусь к идее отца Зосимы, которая формулируется им как деятельная вера, деятельное христианство. Обратите внимание, что эта идея активной веры строится именно на полемике с Фейербахом. Многие герои, которые рассуждают на эту тему в романе, говорят: «нужно любить человечество». Например, «семинарист-карьерист» Ракигин (глава о нём названа именно так): он критикует Ивана Карамазова за слова о связи между существованием Бога и нравственным императивом и говорит, что Бог не нужен, человечество само в себе веру найдёт (то есть оно само для себя будет богом: тем самым он развивает идею Фейербаха). Однако Алеша замечает, что это тип карьериста, который говорит о вере в челове-

чество, а сам является «штирнерианцем», то есть чистой воды индивидуалистом. И ещё: обратите внимание, что «любившим всю жизнь человечество» в этом романе назван Великий инквизитор. Это всего лишь предположение Ивана Карамазова («может быть, он всю жизнь любил человечество»). Но это говорит о том, что «любовь к человечеству» вообще, а не к отдельному человеку в частности, не к своим близким, для Достоевского была вещью очень подозрительной. Почему? Это объясняет отец Зосима, когда приводит разговор с одним доктором, говорившим: «Всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще». И госпожу Хохлакову отец Зосима побуждает именно к тому, чтобы она любила свою собственную дочь – инвалида, нуждающегося в её заботе. Когда же она жалуется, что не может уверовать, он ей говорит: «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей». Так Достоевский предлагает самый естественный и самый близкий каждому обычному человеку путь к вере. Он говорит, что вера приходит к человеку через любовь.

О.И. Сыромятников, руководитель Пермского краевого отделения Всероссийского общества Достоевского: У митрополита Антония (Храповицкого) есть интересная работа по преподаванию пастырского богословия на основании сочинений Достоевского. Об этом же говорится в трудах преподобного Иустина (Поповича), где показано, что Достоевский не погрешает против догматического учения Церкви, а твёрдо находится в его границах. При этом он излагает христианскую истину, благодетельство Христово на современном нам русском литературном языке, что даёт возможность современному читателю-интеллекту прийти к Евангелию. В силу характерной для интеллигенции самоуверенности, совмещённой с самонезнанием, она не спешит верить в Бога, а тем более доверять Ему. В этой ситуации любовь к Достоевскому и его творчеству может стать необходимой ступенью к Богу.

Достоевский знал и любил Евангелие, с которым не расставался с 1850 года. Новый Завет писатель знал почти наизусть, лучше, может быть, чем иные профессора-богословы. Кстати, интересно, что в первом письме, которое он написал из заточения в Петропавловской крепости брату Михаилу, он просил прислать Библию на французском и на церковнославянском языке. Заметим, что столь же внимательно изучал Священное писание А.С. Пушкин, будучи в южной ссылке. До конца своих дней Достоевский не расставался с Евангелием, часто перечитывал и Ветхий Завет.

Богочеловеческая личность Христа постоянно предстала перед духовными очами писателя, по ней и по Евангелию он постоянно поверял собственную жизнь, мысли и поступки. Срывы, конечно, были, но, как говорит Иоанн Златоуст, надо судить человека не за те падения, которые он совершил, а за те восставания, которыми он с помощью Божьей смог преодолеть гордыню и свои грехи. В этой связи примечательно свидетельство Николая Страхова, замечавшего, что в последние годы жизни Фёдор Михайлович был «очень сильно похож на подвижника, полного кротости и благодати», а по словам Воге, «лицо Достоевского выражало грустную и благую кротость, какая видится на иконах славянских святых давнего времени»¹. На портрете Николая Крамского Достоевский изображён на смертном одре. Это совершенно удивительное лицо. По свидетельству В.А. Жуковского, такое же лицо было у Пушкина на смертном одре, от него исходил свет. Конечно, мы не говорим, что Достоевский и Пушкин были святыми, но то, что они шли путём ко Христу, путём обожения, – это безусловно.

В.К. Кантор, профессор университета «Высшая школа экономики», член редколлегии журнала «Вопросы философии»: Достоевский важен любому человеку, который

занимается проблемой своего места в жизни, и в том числе думает о своём отношении к Богу, христианству, независимо от воцерковлённости. Я даже больше скажу: можно читать Достоевского и прийти ко Христу, не будучи воцерковлённым. О возможности такого пути размышляли и в XX веке: так, о безрелигиозном христианстве говорил один из великих немецких теологов Дитрих Бонхёффер², казнённый в концлагере Флоссенбург в 1945 году.

В.Н. Захаров, профессор Петрозаводского университета, президент Международного общества Достоевского: Достоевский полагал, что мы не знаем Россию, не знаем смысла человеческой истории. «Учиться России» – эту задачу он поставил свыше 130 лет тому назад. Чему учиться? Включите телевизор – и посмотрите, многие ли понимают тайну России, тайну мировой истории, как её понимал Достоевский, для которого мера всех вещей – Христос. В связи с этим мне вспоминается лектор русского языка в Хельсинкском университете Оскар фон Шульц, который эту идею выразил в заглавии своего курса лекций: «Светлый, жизнерадостный Достоевский» (эту книгу я издал вместе с коллегами в 1998 г.). Для христианина Достоевский – не жестокий талант, не создатель «достоевщины», он – светлый, жизнерадостный гений. Эту же мысль высказывали русский философ Николай Бердяев, французский писатель-фельетонист и философ Андре Жид. О том, что Достоевский – апостол Христа, говорили и немецкие критики 1920-х годов. И самое главное: так писал в своей незащищённой в Оксфорде докторской диссертации «Философия и религия Ф.М. Достоевского» (1922) монах Иустин, позже прославленный святой Сербской православной церкви, автор лучшей книги о русском гении – «Достоевский о Европе и славянстве» (1940; русский перевод: 1998). Идеи Достоевского объединяют людей, многих и разных.

Беседовала Анастасия Наконечная

¹ Иустин (Попович), свт. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Минск, 2007. С. 304.

² «Безрелигиозность» понималась Бонхёффером как отсутствие поверхностной «религиозной идеи». И в своих трудах, и в своей деятельности он стремился возродить жизнь Церкви как жизнь во встрече и общении с Богом Откровения и с человеком как братом. Характерна для того противопоставления «религиозного» и подлинного, которое часто встречается в трудах Бонхёффера (и которое, к сожалению, порой поверхностно трактуется как «отказ от основного содержания традиционного христианского вероучения»), например, такая цитата из «Этики»: «...праведная святая жизнь в общине Бога отличается от всякого рода слепого благочестивого подражания благодаря тому, что она одновременно ведёт человека к свидетельству миру. Там, где подобное свидетельство умолкает, появляются знаки разложения общины, также как отсутствие плодов является знаком угасания дерева».

А. Гончаров. Иллюстрация к роману «Братья Карамазовы»